старец Алексий

Зосимовой Пустыни

старец Алексий

Зосимовой Пустыни

YMCA-PRESS

11, rue de la Montagne-Ste-Geneviève, 75005 Paris

1989

ISBN 2-85065-153-2

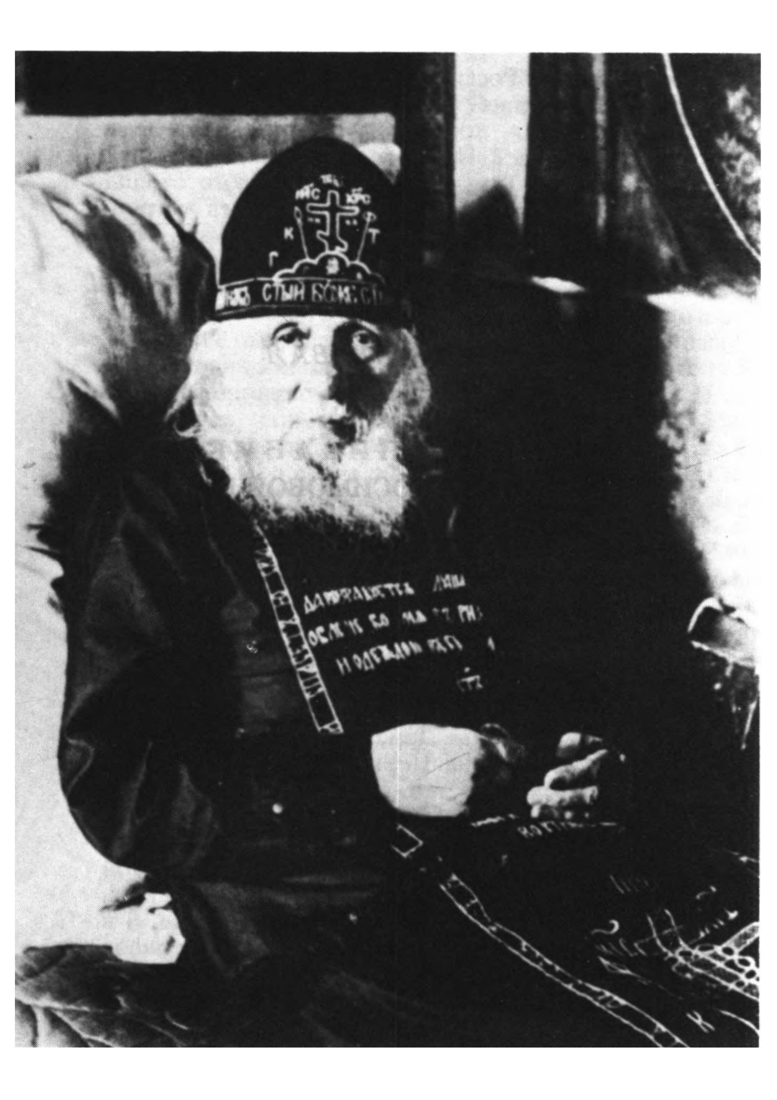
ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Сборник о старце был составлен Евгенией Леонидовной Четверухиной на основании как собственных воспоминаний, так и записей, сохраненных ее мужем, о. Ильей, настоятелем Николо-Толмачевской церкви, до ее закрытия в 1929 г. Пережившая мужа, погибшего в лагере в 1932 г., Е.Л. Четверухина была регентом в одном из храмов Замоскворечья до середины 60-х годов и сумела объединить вокруг себя сплоченную христианскую общину (см. об этом в воспоминаниях сына, С.И. Четверухина, в журнале "Выбор", № 1).

Самиздатская рукопись печатается с сокращениями за счет повторов и второстепенных деталей.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ СХИЕРОМОНАХА ЗОСИМОВОЙ ПУСТЫНИ СТАРЦА АЛЕКСИЯ

I. РОДИТЕЛИ. ДЕТСТВО. УЧЕНИЕ.

Отец будущего старца Алексия, Алексей Петрович Соловьев, родился в Дмитрове и там же получил начальное образование в духовном училище. Вифанскую семинарию он окончил первым учеником и перешел в Московскую Духовную Академию, где учился на стипендию митрополита Михаила Десницкого, почему и получил прибавление к своей фамилии — Соловьев-Михайлов.

Алексей Петрович окончил Духовную Академию 10-м магистром и был назначен профессором всеобщей гражданской истории и немецкого языка в Вифанскую семинарию.* Он любил немецкий язык, имел в своей библиотеке много немецких книг, читал их

* Первым магистром окончил курс Т.Г. Успенский, впоследствии митрополит Киевский Филофей-проповедник, и молитвенник еще в юношеские годы. 3-м окончил знаменитый А.В. Горский — гениальный

совершенно свободно. В семинарии он пробыл 5 лет, и тогда же женился на Марии Федоровне Протопоповой, дочери священника с Пятницкого кладбища в Москве. В 1837 году Алексей Петрович был рукоположен в священника и назначен в церковь св. Дмитрия Солунского на Тверской, а через год переведен в храм Симеона Столпника за Яузой, где и прослужил 44 года, почти до самой своей кончины.

Алексей Петрович был исключительно добрый, кроткий, сердечный человек. Не было, кажется, случая, чтобы он на кого-нибудь рассердился, побранил, сказал резкое слово. Диакон, служивший с ним много лет, вспоминает с благоговением и нежнейшей любовью не только его самого, но и каждую мелочь его жизни. Отношение Алексея Петровича к родным

ученый и впоследствии ректор Московской Духовной Академии; 7-м — Е.П. Орлинский — архиепископ Могилевский Евсевий, бывший ректор Академии и плодовитый писатель, кроткий, добрый, выдержанный человек и большой книголюб. 9-м — М.С. Холмогоров — впоследствии профессор Казанской Академии, переводчик "Похвал Божией Матери (которые поются во время чина Ее погребения), человек выдающегося ума и больших знаний. 13-м был П.С. Ляпидевский — многолетний протоиерей Скорбященской на Б. Ордынке церкви — основатель духовного журнала "Кормчий"; 15-м иеромонах Антоний (Смолин), впоследствии архиепископ Пермский. Этот курс ректор Академии называл "примерным".

детям о. диакон характеризует так: "он относился к ним, как Бог к ангелам". Мария Федоровна умерла сравнительно рано, когда Федору — будущему старцу о. Алексию — было только 8 лет. Воспитывал детей отец. Своей лаской и нежностью он добился полнейшей откровенности от них и такого же послушания. Огорчить отца для них было настоящим мучением. Алексей Петрович главным образом старался развивать в детях христианское церковное настроение, и это ему удавалось вполне.

К своим духовным детям он относился с неменьшей любовью и вниманием, чем к родным, а этих детей у него было множество. Он преподавал Закон Божий в Практической Академии и в 3-й мужской гимназии и умел не только учить, но и воспитывать своих учеников. И впоследствии, став уже взрослыми, они сохранили веру и любовь к своему учителю и приезжали к нему со всех концов на исповедь. Весь Великий Четверг у церкви стояло множество карет именитого московского купечества.

Когда наступал какой-нибудь большой праздник, Алексей Петрович сперва обходил свой приход. Несмотря на то, что приход был небольшой, всего 30 домов, он употреблял на это целых четыре дня, так как все его принимали с искренней, горячей любовью и нескоро от себя отпускали. Потом в течение двух

дней он объезжал остальных своих духовных детей, и везде его встречали с распростертыми объятьями, "как святого, как святителя Божия", по выражению того же диакона. Алексей Петрович был духовником благочиния.

Обращались к нему не только за советами, но и в материальной нужде. Постоянно он был засыпан письмами, осаждаем просителями. И никому не было отказа. Ничем так не огорчался Алексей Петрович, как узнав, что к нему не допустили какого-нибудь бедняка, боясь обеспокоить. Близкие уговаривали его не быть таким расточительным, хотя бы по отношению к людям подозрительным, недостойным, но Алексей Петрович отвечал всегда, что лучше помочь кому-нибудь и не нуждающемуся, чем допустить действительно бедного умереть с голоду. Часто видел он обиды и неблагодарность от тех, кому помогал, но ничто его не останавливало. Постоянно он хлопотал, устраивая вдов и сирот, и своих дальних родственников, и совершенно чужих. Поэтому работы у Алексея Петровича было всегда много. При его скромных вкусах ему вполне хватало доходов от прихода (две с половиной тысячи в год), но он был еще законоучителем двух учебных заведений и имел много частных уроков — и все почти получаемое тратилось на бедных. А. П. был "истинно религиозен, проникнут духом глубокого благочестия и молитвы". Вера его поистине была детская.

Много тяжелого пришлось пережить Алексею Петровичу: ранняя смерть жены, болезни и смерть детей. В один год скончалось трое детей: Федор, шести лет, трехлетняя Мария и новорожденный Николай. Другие умирали взрослыми, только что окончив учение. Старший сын Сергей умер от чахотки, по окончании семинарии. Петр заболел накануне своей свадьбы и вскоре же умер тоже от чахотки, также и Даниил. Последний — Николай — умер от воспаления мозга. Прихожане называли Алексея Петровича "многострадальным Иовом". Но с глубокой покорностью, смирением и преданностью воле Божьей переносил он все посланное ему от Бога. Много терпел он огорчений и от людей, но благодушно переносил их, дорожа больше всего миром с ближними.

О благолепии храма Алексей Петрович очень заботился. Его стараниями устроена трапезная и 2 придела. Храм имел богатую утварь. Главным благотворителем был миллионер Трапезников, хозяин купеческого клуба: он дал 96 тыс. рублей на отделку храма.

Скончался Алексей Петрович 23-го января 1882 года, когда будущему старцу о. Алексию было 36 лет и он уже 15 лет диаконствовал в Толмачах.

В день погребения, когда была устроена поминальная трапеза, в одной комнате соединились сонм духовенства с архиереем во

главе, прихожане, богачи-миллионеры, духовные дети покойного и нищие. Как при жизни Алексей Петрович сливал всех в своем сердце, так и по смерти он сумел их соединить.

* *
*

Его жена Мария Федоровна, урожденная Протопопова, была очень религиозна, добра и милосердна. Ее братья и сестры рано остались сиротами, и Мария Федоровна постоянно им помогала, а то брала к себе погостить.

Умерла она в 1854-ом году, от свирепствовавшей тогда холеры. Покойницу до некоторой степени заменила мать Алексея Петровича и няня Татьяна, которую старец всегда вспоминал с любовью и благодарностью и в день ее ангела, 12-го января, всегда служил по ней панихиду.

Будущий старец родился в 1846 году, 17-го января, в Москве, в приходе церкви Симеона Столпника в Рогожской, здесь же был и крещен. Его крестным отцом был протоиерей Матфей Дмитриевич Глаголев, дядя, а крестной матерью — бабушка Анна Андреевна (мать Алексея Петровича).

Назван он был Федором в честь великомученика Федора Тирона (празднование 17-го февраля). Начальной грамоте учился у своего

будущего тестя, о. Павла Яковлевича Смирнова, бывшего тогда диаконом храма Косьмы и Дамиана на Швивой Горке. Когда малыша возили зимой учиться на саночках, ему давали с собой бутылку с холодным сладким чаем и конфетку. Чай Федя очень любил пить, но конфетку крепко зажимал в кулачок и вез ее Аннушке, маленькой дочери о. Павла, которую и в детстве любил и на которой потом, по воле Божьей, женился.

С малых лет мальчик отличался серьезностью, не любил шалить, уклонялся от веселого общества и шумных развлечений, очень любил отца и заботился о нем, зато и отец его тоже очень любил и мальчик спал с ним в одной комнате. Младшие дети уважали его и слушались, например, когда сестра Екатерина хотела попросить у отца себе обнову, она сперва обращалась за советом к брату Федору, и, если он говорил ей, что обновку делать не стоит и без нее можно обойтись, сестра успокаивалась и уже не тревожила отца. Не только за Федором не водилось никаких шалостей, но и прочие боялись шалить в его присутствии. В случае недоразумений и провинностей дети обращались к брату Федору, и он их рассуживал. По гостям никогда не любил ходить и все, бывало, сидел дома за каким-нибудь делом. Когда Федя учился в духовном училище, с ним случилось несчастье: кто-то попал ему в глаз мячом и он потерял зрение на

правый глаз, хотя по виду это совершенно было незаметно. Боялись, как бы не повредился и другой глаз, но этого, слава Богу, не случилось, и до смерти левый глаз служил хорошо. Когда Федору было 17 лет,* подымали новый колокол в церкви и вскоре послали его звонить. Он быстро вбежал на колокольню, и, не передохнув, начал звонить в большой колокол. Отзвонив, он сошел вниз и тотчас же упал без сознания. Было сильное сердцебиение и одышка. Несколько часов его не могли привести в чувство. После этого случая его стало часто мучить сердцебиение.

Мальчик очень любил музыку, и, бывало, подлезет под рояль и там слушает с наслаждением, как его старшая сестра Анна играет разные гаммы, упражнения, сонатины и другие вещи. Федор и сам немного умел играть на рояле, а впоследствии у него была фисгармония, и на ней он прекрасно играл. У Федора был отличный слух и голос, так что он становился в церкви на хоры, где находился правый хор, и пел.** Хорик был небольшой, но хороший, приходили слушать его пение.

Самое его любимое песнопение было — "Яко по суху". Когда о. Алексий впоследствии играл

---

* Быть может, Федору было тогда не 17, а 13 лет (по другим воспоминаниям).

** Он также прислуживал своему отцу в алтаре, выходя со свечой и подавая ему кадило.

эти ирмосы, всегда при этом в умилении плакал. Любимый его глас был седьмой.

Федя начал поститься с самого раннего возраста, как себя помнил. "Подсолнечное масло, — говорил он позже, — мне прямо родное". Любимым его постным кушаньем в детстве был разварной рис с миндальным молоком. Он и нам рекомендовал приучать детей соблюдать пост с двух с половиной лет, "чтобы в три года они уже знали, что такое среда и пятница".

Очень мало сведений о том, как Федор учился в духовном училище. Известно только, что учился он в Андрониевом училище, после которого перешел в Московскую семинарию. Учился он необыкновенно добросовестно. Способности у него были хорошие, но не блестящие. Учение доставалось ему с трудом, но, благодаря усердию, он учился очень хорошо и в 1866 году кончил семинарию по первому разряду, числясь в списке учеников вторым.

Свой день юноша Федор всегда начинал чтением главы из Евангелия и из Апостола. Он был так прилежен, что даже в первый день Пасхи дожидался только конца вечерни и тогда шел к отцу и брал у него благословение заняться уроками.

Федор был необыкновенно почтителен к старшим, слушался их с искренним уважением и благоговением, желание отца или впоследствии тещи были для него законом.

Это осталось у него на всю жизнь. Он всегда уважал авторитет власти и подчинялся, хотя это было иногда чрезвычайно не по душе и тяжело. Своим духовным детям он всегда запрещал идти против желания родителей, а священникам велел всегда согласоваться с указаниями епископа и Св. Синода в случаях принципиальных недоумений.

Прекрасно окончив семинарию, Федор не пошел в Духовную Академию, потому что не чувствовал в себе особого призвания к науке и в то же время не гнался за честью и выгодными сторонами высшего образования. Он хотел послужить Богу в скромном звании приходского диакона и в кругу "домашней церкви".

Женился Федор Алексеевич в 1867 году. Жена его — Анна Павловна Смирнова — была дочерью священника церкви св. Климента на Варварке. Родилась она в 1850 году. Анна Павловна была высокого роста, красивая, веселая, живая. Она была кротка и добра и очень любила своего Федора Алексеевича. Она окружила его своими заботами, боясь чем-либо обеспокоить. Как-то раз Анне Павловне захотелось пойти в гости, и она стала звать с собой и Федора Алексеевича, но он почему-то не был расположен идти и отказался. Идя в гости одна и переходя через дорогу, Анна Павловна попала в сугроб, ноги ее потонули в нем и промокли. Придя

в гости, Анна Павловна ничего никому не сказала о своих промокших ногах, посидела некоторое время, может быть часа два, а вернувшись домой, тут же захворала. Вскоре же открылась скоротечная чахотка, и через 6 недель, 27 января 1872 года, Анна Павловна скончалась, оставив горького молодого вдовца да еще малютку сына — Михаила. "О, что бы я дал, — говорил впоследствии о. Алексий, — чтобы только вернуть мне назад то время и с любовью исполнить желание жены — пойти с ней вместе в гости". "Она у меня была, как ангел", — вспоминал о жене батюшка и сильно жалел, что иногда приходилось ему огорчать ее.

Когда Анну Павловну отпевали в Никольском правом приделе Толмачевского храма, отец Алексий не мог принимать участия в богослужении, а стоял все время около гроба жены, и слезы, крупные слезы скатывались по его щекам, большими каплями падали на пол.

Анну Павловну похоронили на Пятницком кладбище, около желтой часовни: черный мраморный крест на черной голгофе.

II. ДИАКОНСТВО И СВЯЩЕНСТВО

Свадьба Федора Алексеевича и Анны Павловны состоялась 12 февраля, а посвящение в диаконство было ровно через неделю — 19-го февраля 1867 года. Рукополагал епископ Игнатий Дмитровский в Чудовом монастыре.

Настоятелем храма в Толмачах, куда определили молодого диакона, был протоиерей Василий Петрович Нечаев — благоговейнейший служитель. Это благоговение передалось отцу Федору. Они прослужили вместе более 22-х лет. Отец Федор очень уважал Василия Петровича и впоследствии, уже будучи старцем, часто вспоминал его, приводя поучительные примеры из его жизни.

Василий Петрович большей частью, кроме, конечно, посещения храма и треб, находился дома, считая, что настоятель и пастырь должен быть неотлучен от своего стада, и ежедневно, беря в руки большую палку вроде посоха, медленно обходил в виде прогулки свой

приход, в котором было всего 18 домов. При Толмачевском храме издавался в то время известный журнал "Душеполезное чтение", и Василий Петрович был его редактором, поэтому дела у него было немало.

Когда молодой диакон начинал сильно грустить после смерти своей жены, Василий Петрович заваливал его работой по журналу "Душеполезное чтение". Некоторые лица жалели диакона и говорили об этом Василию Петровичу, тот объяснял, что Федору Алексеевичу спасение в работе, иначе ему не справиться со своей тоской. У о. Федора были и собственные печатные труды, помещенные сперва в "Душеспасительном чтении", а потом изданные отдельными брошюрами.

В 1889-м году о. Василий принял монашество, был возведен сперва в архимандрита, потом во епископа Костромского. После ухода Василия Петровича прихожане очень хотели иметь у себя священником о. Федора и просили его об этом. Они предлагали ходатайствовать о нем перед епархиальным начальством, но Федор Алексеевич решительно отказался: его пугало ответственное и трудное служение приходского священства. Впоследствии он принял священство только потому, что ему предложили место в бесприходном соборе.

* *
*

Преемником Василия Петровича в Николо-Толмачевский храм был назначен Дмитрий Федорович Касицын, из профессоров Московской Духовной Академии, ученый и в то же время благоговейнейший человек. Про него старец Алексий впоследствии рассказывал, что он в алтаре никогда себе не позволял ни одного лишнего слова, и самые нужнейшие приказания, например, относительно облачений, давал шепотом и во внебогослужебное время.

Вообще о Дмитрии Федоровиче говорили как о благоговейнейшем молитвеннике, внимательном, добросовестном, сердечном человеке. Его идеалом был священник постоянно молящийся и поименно поминающий всех, кого только так или иначе и когда бы то ни было он знал. Кажется, едва ли не более всего он боялся того, чтобы как-нибудь, каким-нибудь недостаточно осторожным, недостаточно обдуманным словом не обидеть кого-нибудь, не сказать что-нибудь неприятное для кого-нибудь, не задеть чьи-нибудь интересы. Эта боязнь кого-нибудь чем-нибудь оскорбить доходила у него до того, что он взвешивал буквально каждое слово и оттого иногда казался необщительным и скрытным. Но это не была скрытность, это была высшая степень деликатности, взвешивающая на весах доброго сердца каждое слово. Он всегда старался найти извинение и объяснение чужого

поступка. Щедрый, благожелательный и на редкость внимательный к чужим заслугам и услугам, всегда готовый оказать услугу сам, о. Дмитрий ценил и старался вознаградить, даже заранее, всякую, даже мелкую, оказанную ему услугу. Кажется, он никогда не простил бы себе, если бы оставил без награды хотя одну оказанную ему услугу. Он был также необыкновенно гостеприимен.

Нередко можно было встретить у дверей о. Дмитрия разных бедняков, коим он оказывал ежемесячное пособие. Так, один почтенный батюшка рассказывал: "Подхожу я к двери о. протоиерея и вижу: стоит девушка, очень бедно одетая. Спрашиваю, чего она ждет. Говорит, что она каждый месяц получает от о. протоиерея по 5 руб. — А где вы живете? — спрашиваю я, предполагая, что это его прихожанка. Она отвечает, что живет где-то на Пресне".

Благоговейное отношение о. Дмитрия к совершению богослужений привлекало в церковь богомольцев из других приходов, несмотря на ранний час службы и отсутствие внешних мер к возбуждению религиозного внимания. Умилительное произношение молитв всегда располагало к сосредоточенности помыслов и вызывало у молящихся слезы.

Описывая этих ближайших к нему сослуживцев, о. Василия и о. Дмитрия, начинаешь понимать, в каком прекрасном обществе был

о. Федор, какие дивные примеры были у него перед глазами! И все, что он видел достойного у себя дома, в лице своего родителя, и потом, в продолжение своего служения диаконом в Николо-Толмачевском храме, конечно, складывалось в сокровищницу его сердца, а сердце у него было впечатлительное и глубокое.

Будучи диаконом, о. Федор любил подолгу оставаться в храме после богослужений: он обходил кругом весь храм и молился перед каждой иконой, кладя поклоны. Чтобы храм не был в это время пустой, он просил богаделку оставаться в храме, пока диакон намолится, и тогда уже запирать храм.

В бытность свою диаконом, как и в последующее время, он помогал многим бедным, никому просящему не отказывая. Многие приходили к нему на дом получать ежемесячные пособия, и он кормил их. Например, часто обедал у него один бедняк с громадной отвислой губой. Тяжело и неприятно было на него смотреть, но о. Федор как будто не замечал уродства. Губа висела до груди, и была течь. О. Федор даже христосовался с ним. Однажды на улице диакон снял с себя верхнюю рясу и отдал ее кому-то нуждающемуся. Михаил Николаевич Дурново, учившийся в 90-х годах в 6-й гимназии, которая находилась почти против церкви свят. Николая в Толмачах, рассказывал: "В моей памяти хорошо запечатлелась картина, много раз

наблюдавшаяся мною: я спешу в гимназию, а на другой стороне большая группа нищих окружает о. диакона Федора Алексеевича Соловьева, возвращающегося от ранней обедни, и он оделяет всех милостыней.

Однажды у о. Федора украли где-то его хорьковую шубу. Начали волноваться, а он сказал: "Ну, что же случилось? Взяли у меня одну шубу, а у меня есть другая. Пошлите за ней, вот и все".

Большую часть своего свободного времени он проводил за чтением. Это было его любимым занятием. Читал он духовные журналы, богословские статьи, святоотеческие творения, и любимыми разговорами у батюшки были или о прочитанном, или о природе.

Его свояченица Екатерина Павловна говорила, что Федор Алексеевич был так погружен иногда во внутреннюю молитву, что, когда кушал, часто тыкал вилкой не туда, куда было нужно: видно было, что его мысли сосредоточены на чем-то другом. Те, кто давно знал о. диакона, рассказывали, что он никогда и никого не осуждал, а если про кого-нибудь отзывался, то всегда непременно хорошо и с уважением, а иногда даже с умилением. Если же слышал о ком-нибудь дурное, то старался этот разговор, неприятный для него, прекратить, или дать другое направление, но неосуждение было постоянной и весьма отличительной чертой его характера.

В 1892-м году, 7-го апреля, согласно разрешению митрополита Московского, по единодушному желанию причта и прихожан был отпразднован 25-летний юбилей служения о. Федора в Николо-Толмачевском храме в сане диакона, причем ему была преподнесена икона св. Николая в богатой сребропозлащенной ризе. Кроме того был поднесен ему адрес от благодарных сослуживцев и прихожан. В нем, в частности, говорилось:

"Честнейший и Высокоуважаемый отец священно-диакон Феодор Алексеевич!

В книге Деяний Апостольских об архидиаконе Стефане и прочих первых диаконах первенствующей Церкви Христовой выразительно замечено, что они были исполнены Духа Свята и премудрости (гл. VI, ст. 3), и об их деятельности повествуется несравненно более, чем о жизни многих пресвитеров и епископов.

В последующей истории Церкви Христовой встречаются нередкие примеры, что лица, в иерархическом отношении бывшие только диаконами, оказывали влияние на Церковь несравненно большее, и Вы, высокочтимый Феодор Алексеевич, состоя в сане только священно-диакона, на самом деле, действительно и истинно, по силе своего влияния, как бы местоблюститель сего св. храма Божия. Без Вашего указания и совета с Вами ничего в нем не делалось и не делается... И надежды всего

прихода почиют именно на Вас, все уверены, что Вы все предусмотрите и совершите во всякой святыне и со страхом Божиим, как пред лицом Самого Всевидящего Господа, — что к Вам смело и со всей откровенностью может обращаться каждый и во всякое время, — что Вы любвеобильно выслушиваете его, от искреннего и доброго сердца подадите добрый совет и окажете всякое содействие и вспомоществование каждому по мере надобности и возможности. И будущее наше попечительство о бедных нашего прихода не может найти лучшего представителя и исполнителя, как именно Вас.

Торжественное и благоговейнейшее священнослужение Ваше и умилительное чтение молитв и канонов невольно располагает к усердной и горячей молитве даже мало расположенных к ней. Постоянный страх Божий, опасение, как бы и в малом не согрешить пред Богом, отрезвляют и мало заботящихся о своем спасении. Всегда первым являетесь Вы в храм Божий и последним оставляете его, принимая на себя с любовью все труды для храма Божия и благолепия священнослужения...*

Иже в видении огненных язык ниспославый Пресвятого Своего Духа на святыя Своя ученики и Апостолы, Христос истинный Бог наш

* Еп. Виссарион говорил: "Хотел я было как-нибудь придти в церковь раньше диакона, но когда бы я ни пришел, он всегда приходил раньше меня".

молитвами Пречистыя Своея Матери, Святителя и Чудотворца Николая и святого Ангела Вашего, великомученика Феодора Тирона, да ниспослет Вам силу и крепость и на будущее время так же светло и благопоспешно продолжать служение Ваше на многая, многая, многая лета...”

Около этого же времени Федором Алексеевичем было получено и письмо от преосвященного Виссариона, епископа Костромского. ”Многоуважаемый о. диакон Феодор Алексеевич! — писал он. — Прошло 25 лет с тех пор, как Вы поступили на священнослужительскую службу в Николо-Толмачевском приходе. Из числа этих 25 годов я имел удовольствие служить 22 года совместно с Вами. За все это время мы дружелюбно относились друг к другу, и я всегда с великим сочувствием взирал на Ваши достолюбезные душевные качества и преполезные труды. Ваше всегда благоговейное служение в храме, Ваше смирение и кротость, Ваше строгое воздержание от гнилых и праздных слов, Ваше сердечное участие к радостям и скорбям ближних, готовность помогать им в нуждах, Ваши неутомимые и плодотворные труды в деле законоучительства и назидания, — все это и подобное производило на меня благоприятное впечатление и служило к моему назиданию. Сравнивая себя с Вами, я не раз говорил себе: ”О, если бы и мне быть таким добрым, как Феодор Алексеевич! От всей души приветствую Вас с Вашим двадцатипятилетним

юбилеем и для выражения сочувствия к Вам по сему случаю присоединяюсь к николо-толмачевским прихожанам и к настоятелю приходского храма. Я сам всегда пользовался расположением добрейших толмачевских прихожан, всегда дорого ценил и ценю его, и не могу не радоваться тому, что Вы своими прекрасными качествами вполне заслужили подобное расположение не только с их стороны, но и со стороны всех, сколько-нибудь знающих Вас.

Призываю на Вас благословение Божие с пожеланием Вам долголетия, здравия и спасения.

Любящий Вас епископ Виссарион. 1892 г. Марта 11".

Однажды к о. Федору в Толмачи пришли соборяне прот. Н.И. Пшеничников и другие и стали просить от лица митрополита Сергия перейти в Успенский собор пресвитером. Он отказывался, говоря, что не имеет соборного голоса. "Вы будете не руководителем пения, а учителем благочестия в соборе", — ответили ему. О. Федор пошел к теще и спросил ее благословения. Теща сказала, что раз митрополит его избрал и просит, то это избрание Божие и она вполне согласна на его пресвитерство. Тогда он заявил соборянам, что теща его благословила и он согласен. О. Федор всегда шел к ней за всяким советом и слушался ее во всем.

* *
*

27-го мая 1895 г. батюшка был определен митрополитом Сергием в пресвитеры к Большому Успенскому собору. Его рукополагал преосвященный Нестор, викарий Дмитровский, 6-го июня 1895 г. Через год он был награжден скуфьею, затем через год набедренником и еще через год — камилавкою. Через два года своего пресвитерства был единогласно избран духовником соборного причта.

У о. Федора был замечательный голос, "бархатный баритон", как определил он сам. Митрополит Сергий пожелал восстановить в Успенском соборе древнее столповое пение, поэтому были увеличены штаты и приглашены такие знатоки этого пения, как протоиерей Н. Пшеничников. Он и обучал столповому пению отца Федора, который воспринимал эти уроки с благоговением, как служение Богу.

Будучи старцем, он вспоминал об Успенском соборе, как о самом светлом периоде своей жизни: "Ведь Успенский собор — центр Кремля, центр Москвы, центр России", — говорил он. Из собора раньше 2-х часов о. Федор никогда не приходил; если он и не служил, то стоял в алтаре в нише и молился.

Приходя домой, о. Федор обедал, и это была его единственная пища, так как после

вечерни он только пил чашки две горячего чаю с хлебом и уже оставался без пищи до следующего дня. Отец Федор был воздержан в пище, но когда к нему приходили гости, на столе всегда было наставлено много закусок и сластей, он был очень гостеприимен.

Как священнослужитель, он пользовался в соборе всеобщей любовью. Кроме своей очереди, он часто служил и за других и никогда не торопился: подолгу служил после литургии и молебны, и панихиды.

Живя в миру, о. Федор, начиная со смерти жены, тяготился его суетой. Тяготила его необходимость бывать в гостях и принимать их у себя, тяготили его и уроки, и соборная обстановка, и самые даже службы, не чуждые суетности. Он давно бы ушел в монастырь, в уединение, в тишину, к безмолвию, но надо было поставить на ноги сына, дать ему полное образование. Кроме того, о. Федор содержал на свои средства тещу, Анну Федоровну, и свояченицу, Екатерину Павловну, и нельзя было лишить их помощи. Но, наконец, обстоятельства одно за другим стали складываться так, что желание о. Феодора смогло осуществиться. 25-го апреля 1897 г. теща его скончалась, свояченица получила хорошее место, а сын его окончил Московское Техническое Училище и женился на дочери богатого лесопромышленника Мотова.

О выборе своего местожительства для монашеской жизни старец Алексий позже

рассказывал не раз своим духовным детям, и одной из них удалось очень подробно записать это повествование. "Я хочу рассказать тебе, как неисповедимы пути Господни и как Он неожиданно для меня самого судьбу мою устроил. Давно это было, давно, когда я еще священником был в Кремле, пресвитером Успенского собора. Когда я овдовел, зародилось в моей душе желание стать монахом, стремление к иноческому затвору, но к настоящему, строгому затвору, — я мечтал о Параклите: это пустынька в лесах за Троицей, недалеко от Черниговской. Устав там строгий, подвижнический, женщин в обитель не пускают. Вот я и мечтал о Параклите. Однако, у меня был сын, которому я был нужен. Хотел я его вести по своей дороге, чтобы он священником был, да он не захотел, и учение его в семинарии шло плохо. Когда он, наконец, выяснил себе вполне определенно, что его интересуют науки технические, я позволил ему перейти в Техническое Училище, которое он и кончил отлично. Когда он перешел на последний курс, полюбил он одну девушку из хорошей религиозной семьи, и она его полюбила. Пришел он ко мне за благословением на ней жениться. Тогда я стал чаще подумывать о Параклите, а через месяц, в июне 1897 года, поехал со своим племянником, священником, в Параклит. Приехали мы с ним к Троице, оттуда взяли извозчика и поехали в

Параклит. День был жаркий, солнечный, мы ехали, все углубляясь в лес, и чем дальше мы ехали, тем глуше становилось: кругом все лес и такая благодать, что ты себе представить не можешь! Всюду зелень, трава, цветы, земляникой в воздухе пахнет; солнце светит сквозь чащу ветвей, птички поют, а кроме их голосов — кругом полная тишина и безлюдье, сердцу так легко, так хорошо от тишины. ”Вот, — говорю я племяннику, — где может быть настоящее житие монашеское”. Вскоре увидели мы какие-то строения. Смотрим: деревянные домики простые и церковь, и все они обнесены деревянным забором. Входим в пустынь: кругом ни души, будто никто здесь и не живет; обошли мы все строения — никого. Наконец, натолкнулись на одного монаха, шедшего в обитель с косой на плече, видимо с работы. Мы к нему: ”Где братия?” — спрашиваем. — ”На работе, на лугу, сено косят”. — ”Можно церковь посмотреть?” Объясняем, кто мы такие. — ”Можно, — говорит, — сейчас будет вечерня, я сам иду к вечерне, я ведь пономарь”, — а сам с трудом переступает от усталости. А если бы ты слышала, каким звучным голосом молитвы в церкви читал! Отпер он нам церковь, мы вошли в нее; очень она мне понравилась. ”Вот, — подумал я, — где молиться хорошо”. Стали мы сбоку, ждем начала службы. Видим: входит старый инок, такой смиренный и скромный, становится

в стороне, в углу, вместе с братией, — это, оказалось, сам игумен, и старец там был такой замечательной жизни, подвижник, и тоже встал смиренно позади всех. И братья все, хотя, видимо, усталые, только с послушания пришли, а стоят с полным вниманием и благоговением. Служба идет так чинно, и чтение уставное-громкое, явственное, и пение стройное, неспешное, очень мне все это по душе было, и думалось мне, если будет на то воля Божия, — вот где я найду успокоение. Приняли нас все с любовью, радушно, после службы показали нам всю обитель, к трапезе нас повели с братией, и вот, когда мы вернулись в определенное нам помещение, отдохнули и собрались обратно ехать, вспомнил я, что не были мы у о. игумена, и говорю племяннику: "Что же мы с тобой такими невежами оказались?" — "А что?" — говорит. — "Да как же, — говорю, — вот мы в обратный путь с тобой собрались, а к о. игумену не заходили, чтобы поблагодарить его за все. Подожди меня здесь, а я пойду к нему один". И пошел я к о. игумену. Его домик ничем почти не отличался от других. Постучался я в дверь, отпер мне молоденький мальчик, послушник.

"Дома о. игумен?". — "Пожалуйте". Вошел я к о. игумену, попросил его благословения и говорю — так и так, что я пресвитер Успенского собора в Москве, провел этот день у него в Параклите и пришел его благодарить, а он смиренно

говорит: "Помилуйте, за что же? Это мы должны вас благодарить, о. протоиерей, что вы нас посетили". — "Нет, — говорю я, — о. игумен, я должен вас благодарить за высокое чувство глубокого умиления, которым наполнилась моя душа в течение этого дня, проведенного в вашей благодатной обители. Я сам склонен к монашеству, и, если Богу угодно будет, лучшей обители, как эта, я для себя не желал бы: в ней все, что нужно для души. Согласны ли вы будете, о. игумен, меня принять в число братии?" — "Всегда и во всякое время", — ответил о. игумен; потом он вышел в соседнюю комнату и вернулся, неся в руках альбом с видами Параклита. Благословив меня в путь, он дал мне этот альбом на память о посещении нашем. И если бы ты знала, как дорог стал мне этот альбом! Вернувшись в Москву, я все мечтал о Параклите, и вот, когда после утомительных дневных занятий и забот, я возвращался домой, то брал этот альбом, открывал его и сразу переносился мысленно в это благословенное место и думал: вот где я скоро буду жить и отдыхать душой. В скором времени отпраздновали свадьбу сына, — это было в конце июля,* я, конечно, должен был участвовать во всем, но мысли мои были далеко.

---

* По ходу этого рассказа можно заключить, что старец ездил в Параклит в 1898 году, но по другим документам видно, что он там был за год — 30 июля 1897 года. Эта разница, впрочем, не меняет сути дела.

В начале августа собрался я уже один в Параклит, чтобы окончательно поговорить с о. игуменом и просить его зачислить меня в число братии. Приехал я к Троице и пошел прежде всего приложиться к мощам преп. Сергия, зашел в собор, помолился усердно, приложился к мощам угодника Божия, потом зашел я в иконную лавочку, тут же при церкви Св. Духа, купить себе четки: простые, деревянные. Пока я стоял и выбирал себе четки, слышу голос: "Отче Феодор"... (меня ведь Федором звали в миру). Оборачиваюсь, — о. Товий, иеромонах один троицкий, хороший молитвенник, он и теперь у Троицы. Поздоровались, — думаю, уйдет, а он заметил, что я четки покупаю, и говорит: "Да что это вы, отец Федор, четки покупаете? Уж не думаете ли о монашестве?" Я не хотел ему говорить пока и отвечал уклончиво: "А разве священнику нельзя четки иметь?" Купил четки, простился с ним и иду к воротам, чтобы извозчика нанять и ехать скорее в Параклит, но он не отстает, идет за мной, провожает меня. Вот тут ты увидишь, как неожиданно для меня Господь мой путь направил, все мои намерения переменил, вот так, как лодочку на воде поворачивают по желанию и к другому берегу направляют. Подходим мы с о. Товием к площади перед Лаврой, где извозчиков нанимают, а я все медлю, все думаю, что он уйдет, не хотелось мне при нем извозчика нанимать; наконец

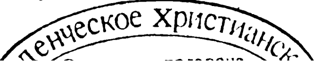
вижу — время идет, зову извозчика и нанимаю его в Параклит. О. Товий говорит мне: "Что это вы в Параклит собрались, о. Федор, уж не думаете ли вы в монастырь идти?" — Тут уж я ему прямо ответил: "Да, желаю". — "Уж не в Параклит ли?" — спрашивает. — "Да, в Параклит". — "Да что вы, о. Федор?" — начал он меня уговаривать, — да вам с вашим здоровьем и думать нельзя о Параклите. Да знаете ли вы, какая там местность? Болото, сырость такая, что редко кто там уживает. Да если б в Параклите, при духовном его устроении, местность была хорошая, половина бы наших монахов там была". Я задумался. — "Да, — говорю, — если там сырость, так мне туда нельзя, я ревматизмом страдаю", — а сам думаю — куда же мне устроиться?

"Да почему же вы, — говорит мне отец Товий, — не подумаете о Козельщанской Пустыни, там устав строгий, очень все хвалят". — "Вот видите ли, — говорю я, — хотя я стремлюсь в монастырь, но у меня связь с миром остается: у меня есть единственный сын, мать умерла, и мне не хотелось бы от него далеко уезжать, чтоб он все-таки знал, что отец его близко и что он может к нему обратиться в случае нужды". — "Так я вот что скажу вам, — говорит мне на это о. Товий, — недалеко отсюда, за две станции, есть одна пустынька, Зосимовой называется, открылась недавно. Мне говорили, что устав там строгий и климатические условия

прекрасные, вот бы вам туда попробовать устроиться". — Я призадумался, а извозчик повернулся к нам и говорит: "Вы, батюшка, в Зосимову Пустынь ехать хотите, на Арсаки станцию? Туда сейчас должен поезд идти". — "Да, верно, уж прошел", — говорю я. "Да нет, батюшка, я вас как раз к нему подвезу, он минут через 10 пойдет". И действительно, он меня привез к отходу поезда.

Приезжаю на станцию Арсаки, выхожу. Тогда там никаких других построек не было, кроме станционного домика, и лес кругом густой, почти к железной дороге подходит: смотрю — никого, ни души. Поезд отошел. Вхожу в станционный домик, обращаюсь к дежурному по станции, спрашиваю, нет ли здесь лошадей из Зосимовой Пустыни? "Никаких, — говорит, — лошадей нет". Как же тут быть? Дежурный предложил нанять лошадку поблизости, я согласился, поблагодарил; вот, пока я жду, чтобы мне наняли лошадку, стою на платформе, смотрю в лес, — вижу, из леса выходит высокий, старый иеромонах и идет к станции. Проходит мимо меня и идет к кассе брать билеты. Я к нему подхожу, спрашиваю: "Не из Зосимовой ли ты Пустыни?" — "Да, — говорит, — из Зосимовой". "Не настоятель ли вы обители?" — "Я в ней сторож", — смиренно ответил он, — это был о. Герман, наш теперешний игумен. Тогда я назвался и говорю, что слыхал про Зосимову Пустынь и очень бы хотел в ней

помолиться. О. Герман очень этому был рад. "Да, вот мне необходимо, о. протоиерей, в Москву съездить по делам, но вы меня непременно дождитесь, я уже завтра обратно буду, а вот лошадка моя вас подвезет". Я поблагодарил и объяснил, что мне обещали тут лошадку нанять и я не хочу их обмануть. Потом мы сели и хорошо по душе побеседовали. Тут подошел поезд, мы простились: о. игумен уехал в Москву, а я поехал в Пустынь Зосимовскую. Еду я лесом, погода была прекрасная, жаркая; когда я приехал в тот раз, колокольню еще только строили, и помню, как сейчас, послушник работал, вертел колесо большое, камни, кажется, наверх поднимали, я подошел посмотреть, а он мне говорит: "Уж так мне надоело колесо это вертеть, хоть брось!" — так и сказал. В первый же день осмотрел я всю пустыньку, был у службы в соборе, только одно и было это каменное строение, все остальные были деревянные, ограда кругом тоже деревянная, и лес близко подходил к забору, так что ветки деревьев через него свешивались. Был я и за трапезой с братией — очень мне все понравилось, так все по душе было. И вот, когда на следующий день приехал о. игумен и пригласил меня к себе, тут же был и о. Иннокентий, тогда он еще иеромонахом не был, и еще один инок. Я все сказал о. игумену, что у меня давно уже тяготение к монашеству и что я решил теперь осуществить его, и что если

Богу будет угодно, и Он благословит, то я желал бы принять монашество в Зосимовой Пустыни, и спросил, примет ли он меня в число братии: "Нет, — ответил мне на это о. игумен, — вам, о. протоиерей, и таким, как вы, совсем другая дорога нужна. Жизнь наша убогая, скромная, а вы не к такой жизни привыкли в столице". — "Я ищу уединения, — ответил я ему на это, — и мечтаю о Параклите, но там климат слишком сырой, а я по здоровью сырости не переношу. Здесь я у вас провел два дня, и очень мне все нравится, здесь бы хотел и остаться". О. Герман помолчал немного и потом вдруг спрашивает: "А что есть самое главное для инока?" — "Смирение", — ответил я ему. И вижу, как от моего ответа просияло лицо о. игумена, и он тихо сказал: "Да, он из наших".

Вернувшись в Москву, начал я хлопотать о пострижении, и не думай, что это мне легко досталось: то здесь задержка, то там, и только через год получил я разрешение. Последнее торжество мирское, на котором я присутствовал, было освящение памятника Александру II в Кремле. И вот, наконец-то, Бог благословил и меня переселиться в Зосимовскую Пустынь. Тогда здесь была такая глушь, такая тишина, кругом лес, и деревья близко подходили к кельям, так что ветки их качались у моего окна, а по ним часто прыгали белки..."

III. МОНАШЕСТВО И СТАРЧЕСТВО. КОНЧИНА.

С самого начала поступления о. Федора в Зосимову Пустынь на него было возложено клиросное послушание и совершение богослужения: 30-го ноября 1898 года он был пострижен о. игуменом с именем Алексий, в честь святителя Алексия митрополита Московского. День его ангела праздновался 12-го февраля.

Первое время о. Алексию жилось в Пустыни очень тяжело. О. игумен, боясь гордости образованного пресвитера Большого Успенского собора, всячески его смирял. Обращались с ним сурово, ставили его во время службы ниже всех братий, облачения давали самые плохие. Приходилось терпеть и на клиросе. Регентом хора был тогда иеромонах Нафанаил, бывший артист оперы, окончивший консерваторию и Синодальное училище, талантливый музыкант, но нервный и беспокойный. О. Алексий, став

петь на клиросе, начал было петь по-соборному. Нетерпеливый отец Нафанаил напал на него и самым грубым тоном стал ему выговаривать: "Здесь не Успенский собор, вы не забывайтесь, здесь реветь нельзя". — "У меня был очень хороший голос, — рассказывал отец Алексий об этом случае, — и мне хотелось его показать, но должен был слушаться своего духовного сына, который был моим наставником в этом деле". Батюшка стал смиренно, от всей души просить прощения у о. Нафанаила. Тот долгие годы вспоминал это смирение с умилением.

Однако размолвки с о. Нафанаилом повторялись и доставляли о. Алексию истинное мучение. После одной такой размолвки о. Алексий был настолько неспокоен духом, что ночью пошел будить о. Нафанаила, чтобы просить у него прощения.

Когда на о. Алексия было наложено послушание преподавания Закона Божия, то он учил монахов три раза в неделю вечером: в воскресенье, во вторник и в четверг.

"Во время преподавания Закона Божия, — пишет один из духовных детей отца Алексия, о. Владимир, — всего у нас не было. Монастырские послушания были тяжелые, монастырь только начинался: на уроки мы приходили в 8 часов после вечернего правила. Монахи были усталые, от дремания и тяготы плохо внимали урокам о. Алексия, но он твердо

настаивал, чтобы мы его уроки помнили, и, после рассказанного им, требовал, чтобы мы повторяли в точности его слова. Движимый страхом Божиим, он во время преподавания Закона Божия никогда не садился. Или скажет: "У тебя нет страха Божия, я говорю такие высокие слова, а ты улыбаешься". Однажды у меня сильно болели зубы и я по ночам не спал. О. Алексий задал мне вопрос, на который я не ответил, и он меня заставил стоять до конца. Тогда о. Алексий был очередной служащий, а иеродиаконом в ту неделю служил о. Поликарп. После утрени иеродиакон сделал большой выговор о. Алексию: "Батюшка, у о. Владимира зубы болят, он все ночи не спит, а вы его стоя весь урок продержали". О. Алексий, выслушав эти слова, смутился и сейчас же приказал послать за мной. Прибежали за мной, говорят, беги как можно скорей в церковь, тебя о. Алексий зовет. Пришел я в церковь, вошел в алтарь, а когда он меня увидел, тут же упал мне в ноги и стал просить прощения: "Прости меня, отец Владимир, что я нехорошо с тобой поступил, — продержал тебя стоя больше часу". — "Батюшка, — ответил я, — я против вас и в мыслях ничего плохого не имел, очень спокойный стоял".

Первое время пребывания о. Алексия в монастыре было сопряжено для него с большими трудностями и огорчениями, но братия монастыря считала это время для себя

блаженным, потому что народ почти не бывал в Пустыни и батюшка целиком принадлежал монахам. Скорби и трудности опытно познакомили о. Алексия с монашеством, и он говорил, что только через два с половиной года он понял, что такое монашество.

Когда уроки по Закону Божию у о. Алексия прекратились, он только читал после ужина братии свв. отцов и делал это до ухода своего в полузатвор. Кроме того, говорил по праздникам поучения народу. Проповеди эти были простые, полезные и понятные. Незадолго до ухода в полузатвор он прекратил говорить проповеди, находя, что произнесение их может возбудить в нем тщеславие.

Главным делом о. Алексия в монастыре мало-помалу стало старчество и духовничество. Особенно пошел к нему народ после смерти о. Варнавы, который скончался 17-го февраля 1906 года. Вот тогда-то и нашли о. Алексия и потянулись к нему со всех сторон. В то время он жил в северо-восточной угловой башне. Великим постом он стал изнемогать, постоянно осаждаемый исповедниками, здоровье его пошатнулось и он тяжко захворал крупозным воспалением правого легкого. Положение его было настолько серьезно, что доктор Мамонтов, лечивший его, открыто говорил, что о. Алексий может умереть. То помещение, где он жил, оказалось нездоровым — там было сыро и холодно, и его

перенесли в игуменские покои; несли его очень тепло закутанным и положенным в ящик... Когда его вынесли, в это время ударили в колокол к богослужению... Братия вся плакала. Они говорили: "Батюшка-то уже готов, а мы с кем теперь останемся?" В Великий Четверг о. Алексия соборовали, участвовала вся братия, а сын его, Михаил Федорович, плакал, как дитя. О. Владимир пишет, что после соборования, когда подходила по очереди вся братия прощаться с батюшкой, и он подошел. О. Алексий простился с ним, потом прижал его голову к своему уху и тихо ему сказал: "Молись, я надеюсь на Бога, ради ваших святых молитв Господь дарует мне здоровье". После этого о. Алексий стал поправляться. Пока он был еще больной, он жил в игуменских покоях, а летом 1906 года перебрался в выстроенную для него деревянную избушечку, пожертвованную одним крестьянином, расход по постройке которой взял на себя сын батюшки.

Отец Илия Четверухин подробно описал избушку о. Алексия. "Избушечка состояла из небольшой передней, которая с правой стороны была огорожена занавеской и служила для батюшки кладовой, буфетной и умывальной. Там находился стенной умывальник, висело полотенце, там хранилась посуда, чай, сахар, печенье и т. п. Налево от сенец была дверь в приемную, которая была и столовой и

моленной. В левом переднем углу стоял угольник с семейными и другими иконами, в ризах и без них. Тут находилось служебное Евангелие, крест и металлическая кадильница. Перед угольником стоял аналой с богослужебными книгами, покрытый епитрахилью; с левой стороны аналоя на стене была сделана большая полка для лампы и расположения там богослужебных книг на время совершения молитвенного правила, т. к. на аналое они все поместиться не могли. Вдоль стены, на которой была полка, стоял диван, а перед ним стол. Тут и угощал нас, бывало, батюшка. Самовар ставили мы, но иногда неудачно, а в это время батюшка расставлял на столике посуду, доставал чай, сахар, угощение, баранки, сушки, сухарики. Потом, бывало, спросит нас, как у нас дела. Если наши "дела" с самоваром были уж очень плохи, то он вмешивался, дела начинали улаживаться и самовар вскоре был готов. Не помню, кто именно брал самовар и ставил его на стол. Горящую лучинку батюшка опускал в самовар сам. Потом мы устраивались на диванчик, а о. Алексий хозяйничал, разливал чай и беседовал на разные темы. Это бывало всегда с 2-х часов до вечерни. Если никто больше не приходил, беседа была более практического, совопросительного характера, если собиралась целая компания разных людей, разговор был общего характера. Батюшка был всегда ласков, приветлив, добродушен.

Направо от приемной, впереди, шла дверь в спальню, которая была и кабинетом, там против двери стоял письменный стол, над ним висела фотографическая группа с о. Алексием, когда он еще был пресвитером собора.

Направо от двери по стене стояла кровать. О. Алексий спал не раздеваясь, в подряснике и в сапогах, чтобы легче было вставать на молитву. Книг у него лежало на столе и этажерке много. Среди них я заметил и запомнил "Настольную книгу для священнослужителей" С.В.Булгакова, "Собрание церковных поучений для простого народа" свящ. Стратилатова, учебники по Закону Божию".

К о. Алексию ехали люди со всех концов России, люди самых разнообразных общественных положений, характеров и настроений. Тут были и очень знатные люди, и государственные деятели, были и митрополиты, архиепископы и епископы, были и ученые архимандриты и священники, и иеромонахи, большей частью из воспитанников Московской Духовной Академии, были и простые монахи, особенно много монахинь из разных монастырей, были и военные, и врачи, и чиновники, и учителя, были и профессора, и студенты, были люди богатые и люди простые — рабочие и крестьяне, мужчины и женщины, старые и молодые, семейные и одинокие, больные и здоровые, ближние и дальние, грешные и благочестивые, верующие и сомневающиеся.

О. Алексий привлекал к себе всех этих людей как праведник, молитвенник, нежный целитель души, прозорливец и замечательный духовник. Действительно, отец Алексий был глубоко и сердечно верующий человек, строгих церковных взглядов, благоговейный, усердный молитвенник, постник, труженик, к славе Божией ревнивый, к людям добрый, чуждый корысти и гордости, лицеприятия и человекоугодия: кто бы ни пришел к нему за ширмочки, знатный ли человек, или самая простая крестьянка, все равно, батюшка одинаково забывал себя с ними, переживал с ними их горе и радости, разрешал их сомнения, утешал, ободрял, наставлял. "Я все переживаю с вами", — говаривал он одной своей духовной дочери. Однажды, когда у нее было тяжелое переживание, он ей сказал: "И я его пережил с тобой, и оно вот здесь у меня осталось", — показал он на сердце. И как бы плохо о. Алексий себя ни чувствовал, как бы ни был утомлен и нездоров, он никогда ради облегчения себя не ускорял исповеди, разве только для того, чтобы все желающие успели побывать у него, и до последней возможности старался удовлетворить всех к нему обращающихся. Он был замечательным духовником. Строго следя за собой, прекрасно зная законы внутренней жизни и по своему огромному опыту, и по аскетической литературе, видя много людей, исповедуя их и следя за ними — он прекрасно

знал и понимал человеческую душу, так что в отношении его мудрость и знание граничили с прозорливостью, которая также несомненно была присуща ему по благодати. А благодать Божия явно чувствовалась в старце. Придешь, бывало, к нему скорбный, с душевной тревогой, благодатный старец не только умирит, но еще и утешит, и уйдешь от него довольный, счастливый, даже самый счастливейший; если придешь с загрязненной миром душой, со спутавшимися и затуманившимися чувствами и понятиями, — около праведного старца все станет само собой ясно, — что хорошо и что нехорошо. Хорошее станет привлекательным, а нехорошее мерзким; придешь недоумевающий, а батюшка рассудит все просто и мудро, придешь упавший духом, унылый и безнадежный, а сделаешься около него бодрым и веселым, придешь холодным, бесчувственным, а горячее сердце батюшки согреет тебя или лаской, или строгостью, смотря по надобности, и холодное сердце затрепещет и загорится... Точно от батюшки исходили какие-то благодатные духовные силы, от него веяло вечностью, и эта вечность около него становилась ближе, понятнее, и все земное, наоборот, делалось дальше, малозначительнее, ничтожнее, и, наконец, сама смерть переставала быть страшной.

Когда еще о. Алексий только готовился поступать в монастырь, его главной целью был

затвор, молитва, безмолвие. Все, возлагаемое на него, батюшка исполнял с большим усердием, но душа его тосковала по уединенной молитве, ища пребывания с Богом. Поэтому он стал ходатайствовать перед начальством о позволении ему уйти в затвор. Более всего его тяготили, конечно, приезжавшие отовсюду богомольцы. Ведь ехали в Пустынь, главным образом, те, кто не находил себе удовлетворения в городских духовниках. Ехали с такими иногда тяжелыми грехами, что не решались о них говорить простому приходскому священнику, думая, что старец лучше обсудит их положение. А это-то и было тяжело нежному, любящему сердцу о. Алексия. По свидетельству многих его духовных детей, он был более похож на мать, чем на отца, — столько ласки и нежности, столько терпения он проявлял ко всем.

3-го февраля 1908 года старец Алексий ушел в полузатвор. Сначала временно, до Пасхи, в виде опыта, а потом так и остался затворником. Он выходил только на субботу и воскресенье, принимал монахов и мирян.

Летом 1909 года состоялся монашеский съезд в Сергиевой Лавре, и наш старец был избран в члены этого съезда. Его голос там имел большое значение, с его духовным опытом считались, и все с почтением прислушивались к его словам.

Разбирался на съезде вопрос о старчестве. Мнения были разные. Некоторые говорили, что

старцем может быть игумен, не имеющий сана, как, например, о. Онуфрий Параклитский. О. Алексий, не отрицая, что старцем имеет право быть и не имеющий священного сана, находил, что старцу лучше быть иеромонахом, так как в случае, если будет открыт старцу смертный грех, ему придется отсылать исповедующегося к духовнику за разрешением, а это сложно. Съезд вполне согласился с этим взглядом о. Алексия.

Еще интересный пункт: о. Алексий высказал такую мысль: духовник не имеет права сказать о своем ученике: достоин ли он принять священный сан или нет, так как внутреннее его устройство — это тайна исповеди. Делаю краткую выписку из письма друга И. Н. — тогда еще иеромонаха Серафима Зосимовского: "Много утешения получил на монашеском съезде, беседуя со многими преподобными старцами. На съезде особенно властно, горячо, убежденно говорил о. Алексий Зосимовский. Большая часть постановлений сделана прямо-таки под его непосредственным влиянием. Блажени очи мои, видевшие сие, и уши, слышавшие мудрые, глубокие речи старцев".

29-го ноября 1909 года, во время приезда в Пустынь наместника Лавры о. Товия, на совместном совещании трех старцев, о. Германа, о. Алексия и о. Товия, было решено, что отцу Алексию мало двух дней для приема им духовных детей, и прибавлен еще один

день — пятница. При таком огромном стечении народа, который все больше и больше осаждал о. Алексия, ему, конечно, необходимо было духовно поддерживать свои силы, и эту поддержку он находил в тишине своей кельи в многочасной неразвлеченной молитве к Богу в продолжение пяти дней недели.

Несколько раз пытался о. Алексий проситься в затвор у своего начальства, но долгое время просьба его не имела успеха. 26-го мая 1916 года, чувствуя себя очень плохо, о. Алексий опять выразил желание уйти в полный затвор своему игумену и духовнику о. Герману и неожиданно для себя получил тотчас же от него согласие, а через неделю и указ из Духовного собора Троице-Сергиевой Лавры, в ведении которой находится Зосимова Пустынь, с разрешением уйти в затвор в понедельник 6-го июня и 12 часов дня. Уход батюшки в затвор сделался известным в обители 3-го июня в пятницу, т. е. за 3 дня до самого события, поэтому проститься со старцем Бог привел лишь тем, кто приехал в пустыньку поговеть на 3-5 июня, да еще кое-кого из близживущих, кому удалось вовремя узнать о событии. Некоторые из них простились с батюшкой в воскресенье, но большинство осталось на понедельник 6-го июня, чтобы подольше побыть в последний раз вблизи дорогого старца и проводить его до самого "затвора". Все они, хоть не подолгу,

побывали у батюшки, все простились с ним, может быть навсегда, и получили от него последние его советы и наставления.

Старец принимал народ безвыходно с 3-х часов утра до 12 часов дня. У собравшихся в обители духовных детей старца явилась мысль помолиться сообща о его здравии и спасении и о даровании благодатной ему помощи в его новом подвиге. Среди приехавших на прощанье с о. Алексием оказалось четыре священнослужителя, все его духовные дети. Их и попросили отслужить о старце молебен. Кроме того, собрали деньги и купили в монастырской лавочке икону Смоленской Божьей Матери для поднесения ему от лица всех прощающихся с ним его духовных детей и почитателей. Ровно в 12 часов старец окончил прием народа, царские врата главного храма отворились, и на середину храма вышли служить молебен все указанные священнослужители. К этому времени в храме собрались и все бывшие в пустыньке богомольцы, и многие из братии обители. Старец в епитрахили встал на правом среднем клиросе, позади чудотворной иконы Смоленской Божьей Матери. Начался молебен, который служился, согласно желанию о. Алексия, Спасителю, Божией Матери, арх. Рафаилу, преп. Сергию Радонежскому, преп. Зосиме Соловецкому и всем святым. Горячо, со слезами на глазах, молились о старце все присутствующие. Горячо молился и сам

старец, часто делая земные поклоны. После молебна о. Илья Четверухин обратился к батюшке со следующими словами:

"Дорогой батюшка, о. Алексий! Позвольте мне сказать вам от лица всех здесь собравшихся духовных чад ваших последнее прощальное слово.

Батюшка, духовный отец наш! Многие из нас уже давно знают вас и ездят к вам. Мы делили с вами все наши радости и горести и отдавали на суд ваш всю нашу жизнь со всеми ее мелочами. С самым нежным, самым внимательным, прямо материнским участием относились вы всегда ко всем нам. Вы нас окормляли и назидали, и умудряли, и просветляли, и очищали, и укрепляли, и утешали, и согревали огнем своей веры и любви. Даже и не пересказать того, что мы от вас получали. Благодарим вас, батюшка, от всей души за все, за все, что вы для нас сделали. Никогда мы не забудем вас и обещаем вам наши молитвы за вас и молитвы детей наших до конца нашей жизни.

Как видимые знаки нашей любви и благодарности к вам, примите от всех нас эту святую икону, эту просфору, из которой вынута в сегодняшней литургии часть о вашем здоровье и спасении, и наш земной поклон"...

Священник поклонился в ноги о. Алексию, и с ним вся церковь. Растроганный батюшка ответил тем же. Поднявшись на ноги, священник продолжал:

"Батюшка, мы верим, что и в затворе вы будете нас любить по-прежнему, будете молиться за нас, может быть еще больше. Не на бездействие и покой уходите вы, а на еще большие подвиги молитвы, самоуглубления и сосредоточенности. Видно, уж воля Божия такая, чтобы вы ушли и мы остались одни без вас. До сих пор мы, точно маленькие дети, как бы на помочах каких водимы были вами, а теперь, может быть, Богу угодно, чтобы мы, наставленные вами, самостоятельно применили в своей жизни ваши советы и наставления. Батюшка, мы будем помнить ваши уроки... Еще раз вам самое сердечное спасибо от всех нас за вашу любовь и труды".

Выслушав священника, о. Алексий обратился ко всем присутствующим со своим ответным и последним словом. Он приблизительно сказал так:

"Без Мене не можете творити ничесоже", — невольно напрашиваются мне на уста слова Спасителя. Если я сделал кому-нибудь что доброе, то это не я сделал, а сила Божия, которая мне помогала. Часто, например, задавались мне трудные и неудоборешимые вопросы, и я не знал, что мне сказать, но Господь в те минуты вразумлял меня и вкладывал в мои уста нужный ответ. Без помощи Божией и без воли Божией ничего доброго не делается. Я всегда лишь старался, именно старался о том, чтобы обнять всех своею

любовью (хотя может быть любви моей не хватало) и каждого обращающегося ко мне удовлетворить, каждому найти доброе слово. Но это мне не всегда удавалось: или же недоставало времени, или физических сил. Самые горькие минуты были те, когда я видел, что кто-нибудь уходил от меня неудовлетворенным. Искренне прошу прощения, если я кого-нибудь из вас когда-нибудь огорчил, как и я всех прощаю". При этих словах батюшка поклонился в землю всем присутствующим, которые ответили батюшке тем же. Слышались вздохи и плач.

Отец Алексий, поднявшись с земли, продолжал: "Я ни против кого из вас ничего не имел и не имею и всех прощаю. . . . С самого начала моего поступления в монастырь я видел, что некоторые стороны монашеской жизни невозможно осуществить вне безмолвия. Я не раз обращался с просьбой к своему духовнику и настоятелю нашей обители отцу Герману, чтобы он увеличил мне уединение, но он каждый раз отказывал мне. Однако, когда я в последний раз опять заговорил с ним об этом, он мне велел немедленно подать ему об этом прошение. "Сейчас же, — сказал он, — пишите прошение". В этом я усматриваю волю Божию. Значит, действительно пробил час уйти мне в затвор. Да, мне уже пора. Еще три тысячи лет тому назад великий пророк и псалмопевец указал на этот возраст как

на предельный для человеческой жизни. "Аще же, — сказано, — в силах — восемьдесят лет", а сил у меня, я чувствую, мало. Не знаю я, смогу ли довести до конца и то дело, которое теперь предстоит мне. И раньше случалось, что, быть может, по своей гордыне брался за то, что было выше моих сил.

Прошу ваших молитв за меня и надеюсь, что молитвами Божией Матери, св. архангела Рафаила, преп. Сергия и Никона, Радонежских чудотворцев, преп. Зосимы и всех святых, молитвами моих духовных отцов и всех моих духовных детей облегчится мне прохождение страшных мытарств, предстоящих каждому из нас после смерти. Да поможет всем нам Господь войти в Царствие Небесное. Благодарю всех вас за сегодняшнюю молитву обо мне. Со своей стороны, когда вы молились обо мне, я молился о вас. Духовным детям моим иереям кланяюсь, а всех остальных благословляю. Передайте мое благословение всем отсутствующим и передайте им, что у всех у них прошу прощения, и скажите им, что с своей стороны им прощаю и ничего против никого из них не имею; а на кого я наложил епитимию, передайте им, что я их от нее освобождаю; впрочем, если кто пожелает продолжать нести ее, то пусть продолжает, как может и сколько может, по своим силам. А теперь примите от меня последнее прости".

Твердым голосом говорил старец. Сосредоточенное, одухотворенное лицо его и внутренняя сила его слов производили неотразимое действие на присутствующих. Почти у всех на глазах были слезы. Окончив речь, он еще раз поклонился народу в землю и потом стал прощаться со всеми в отдельности, начиная со служивших молебен священнослужителей. Чтобы было удобнее, он встал на амвон, и все начали подходить к нему по очереди. Каждый подходящий кланялся старцу в землю и брал у него благословение. Он всех благодарил за любовь и доверие к нему и многим говорил на прощанье что-нибудь утешительное и полезное. Некоторые подавали купленные ими в монастырской лавочке маленькие иконочки и образки, чтобы о.Алексий ими благословил их в последний раз, или чтобы благословил ими их близких, отсутствующих. Многие горько плакали и с трудом отрывались от батюшки. Наконец, все простились... Старец пошел к своим ширмочкам снять с себя епитрахиль, но это ему долго не удавалось. Толпа обступила его тесным кольцом и опять просила у него последнего благословения и последних советов. Но вот батюшка дошел до своих ширм, кончил благословлять и пошел в алтарь южного придела. Немного погодя он появился в храме северными вратами северного придела и стал прощаться со святынями собора: иконой св.архангела Рафаила, гробницей архимандрита

Павла,* иконой Казанской Божьей Матери у левого среднего клироса, чудотворной иконой Смоленской Божьей Матери у правого клироса среднего храма, иконой преп. Сергия с частицей его мантии, гробницей блаженного старца схимонаха Зосимы, иконой преп. Зосимы Соловецкого за ширмами, где он принимал народ. Потом, окруженный монахами, старец пошел из собора к себе в келью, в "затвор". Духовные дети пошли его провожать. Медленно шел он среди монахов и толпы народа. Грустная и торжественная была картина. Когда старец подошел к калитке садика, прилегающего к его келии, большинство народа осталось вне садика и провожало его глазами издали, но некоторые не утерпели, проникли в сад и довели старца до дверей келии. В последнюю минуту, перед входом в келию, батюшка оглянулся на своих духовных детей и услышал возгласы: "Батюшка, благословите нас", поднял высоко руку и благословил направо и налево. После этого он повернулся к дверям, помедлил минуту, по-видимому, молясь про себя, и быстро вошел".

С уходом в затвор о. Алексия многие богомольцы стали редко бывать в Пустыни. Грустно и горько было ехать и знать, что ты не увидишь о. Алексия. Однако, некоторые все же бывали и говели у других духовников, стараясь причас-

---

* Наместника Троице-Сергиевой Лавры и строителя Зосимовой Пустыни.

титься в церкви Всех Святых, и именно в пятницу, т. к. знали, что и старец, выйдя в алтарь особой дверью из своей кельи, тоже причащается вместе со всеми за одной службой. Так продолжалось до половины августа 1917 года, когда, по воле Божьей, о. Алексий был избран в члены Всероссийского Церковного Собора и приехал накануне Успения Пресвятой Богородицы в Москву.

15-го июля 1917 года старец отправился в Сергиеву Лавру на съезд монахов. Там о. Алексий был избран в члены Всероссийского Церковного Совета и 14-го августа прибыл в Москву. Это было для всех его духовных детей величайшей радостью.

"Быстро облетела весть, — вспоминает Е. Л. Ч., — о приезде старца в Москву его духовных детей, а любовь научила, где его можно увидеть. Видали мы его каждую субботу в Чудовом монастыре, когда он шел ко всенощной из покоев наместника в алтарь и обратно после окончания всенощной. В ожидании выхода батюшки все мы выстраивались коридором от западных дверей. Едва он показывался в дверях — мы обступали его, брали его благословение и, если что было кому нужно, спрашивали его. Всю всенощную мы выстаивали в монастыре и после нее снова видели старца, который всегда с отеческой любовью нас благословлял и спрашивал о нашем здоровье".

Заседания Собора происходили в Епархиальном доме, находившемся в Лиховом переулке, и батюшка ездил туда на чудовской лошади иногда с митрополитом Платоном, иногда с митрополитом Михаилом Гродненским, а то и просто на трамвае.

Старец хотел перейти жить в семинарию, вероятно, ради близости ее к Епархиальному дому, но помещения обособленного для него там не нашлось, а когда грянула в октябре 1917 года революция и оставаться в Кремле было невозможно, старец 10-го ноября переехал жить к своему сыну в Докучаев переулок и жил там до Рождества Христова. На Рождество Собор закрылся, и старец провел праздники в Зосимовой Пустыни, а потом до Пасхи опять присутствовал на заседаниях Собора.

Во время перестрелки, в октябре, старец с другими соборянами перешел жить в подвал. Приведу рассказ самого старца об этом времени:

"27-го октября утром я после ранней обедни собирался на заседание Собора. И вот в этот день начался обстрел Арсенала, но снаряды, пролетая мимо него, попадали в Чудов. Непрестанно слышна была перестрелка, гул орудий, шум от разрывающихся снарядов, разрушающихся зданий и разбивающихся стекол. Даже в мою келью влетел в окно снаряд, пока я читал утреннее правило, но, слава Богу, не убил меня, хотя пролетел совсем близко. Вот

как близко я был от смерти. Я весь предался в волю Божию, да творит Он со мной, что Ему угодно, как хочет и как знает. Владыка Арсений благословил нам всем говеть, и когда мы приобщались Святых Христовых Тайн во время литургии, снаряд с силой ударился в окно храма, того верхнего храма, где покоились мощи святителя Алексия, стекла посыпались на пол и вся церковь задрожала. После литургии мы, с пением тропаря святителю, торжественно перенесли мощи угодника Божия в пещерный храм. Пока мы шли через дверь, приходилось нагибаться, потому что кругом свистали снаряды. Святые мощи были положены на престоле в главном храме, и когда начали служить молебен, оказалось, что молитву святителю забыли в соборе, а идти туда было уже небезопасно, потому что стрельба с каждым часом усиливалась. Тогда служивший молебен еп. Владимир, как бы по вдохновению, начал вдруг нам говорить молитву святителю Алексию, и действительно — вдохновенна была эта молитва! Он говорил просто, как будто самому угоднику Божию, а мы чувствовали, что угодник Божий невидимо стоит с нами и готов нас защитить и спасти. После, когда хотели записать эту молитву, владыка не мог ее повторить.

И вот, целую неделю скрывались мы в подземелье, как в катакомбах, и как-то близко чувствовали Бога. В Нем одном искали

мы поддержку и помощь, ведь все это Господь посылает нам, чтобы приблизить нас к Себе, и в жизни каждого человека, предающего себя всецело в волю Божию, видится и чувствуется удивительное Божие водительство, как будто крепкая рука ведет тебя и направляет и поддерживает в трудные минуты жизни. В эти страшные дни мы неустанно пели тропарь Казанской иконе Божьей Матери: "Заступнице усердная". Это особенно теплая молитва к Божьей Матери, и если петь ее в час смертный, то Матерь Божия облегчит душу поющего этот тропарь в страшный час разлуки души с телом".

Так как на Всероссийском Соборе было решено восстановить на Руси патриаршество и были избраны 3 лица для принятия сана патриарха — митрополиты Антоний, Арсений и Тихон — и не знали, кто из них более угоден Господу, то и постановили вынуть об этих лицах жребий.

Собор предоставил право вынуть жребий старцу о. Алексию. Это событие было 5-го ноября в воскресенье. Из Большого Кремлевского Успенского собора была перенесена историческая святыня — Владимирская икона Божьей Матери — в храм Христа Спасителя, и, по усердной церковной молитве перед нею, старец трижды перекрестился и вынул жребий из ковчежца, который держал в руках митрополит Владимир. Жребий пал на преосвященней-

шего Тихона, и он должен был принять на себя сан святейшего патриарха Всероссийского. 21-го ноября состоялась интронизация патриарха в Успенском соборе.

28-го января 1918 г. был грандиозный крестный ход. Накануне всюду в храмах были общие исповеди, а в самый день крестного хода все богомольцы причащались, готовились, как на смерть, если это будет нужно для защиты своей православной веры. Подъем духовный у всех был громадный, ожидалось что-то великое, необъяснимое. Ввиду тревожного времени устроена общая исповедь. Картина была грандиозная — причащалось не менее 400 человек.

После литургии был Крестный ход на Лобное место. Хоругви тянулись от Спасских ворот вплоть до часовни Иверской Божьей Матери. Когда все стояли на площади, запели пасхальный канон, и все московское духовенство, и о. Алексий тоже.

На пасхальной неделе, 8-го апреля, Собор закрылся. Осенью 1918 года, когда возобновились заседания Собора, старец по его немощи был уволен от участия в нем.

В следующем году, 28 февраля, о. Алексий был пострижен в схиму. Имя у него осталось то же, но день ангела стал праздноваться не 12-го февраля, а 17-го марта — в день св. праведного Алексия Человека Божия.

К 1920 году Зосимову Пустынь уже превратили в сельскохозяйственную рабочую артель.

Последние дни Зосимовой Пустыни и старца Алексия описывает в своих письмах насельник Пустыни иеромонах Симон.

1 апреля 1922 г. "Зосимова Пустынь держится такими подвижниками, как о. Герман, о. Алексий, о. Дионисий... Можно поручиться, что после их смерти распадется и Зосимова Пустынь. Она держится пока их духом, который уже теперь, при их жизни, стараются всячески, исподтишка, а иногда и явно, искоренять, как устарелый, смешной. Да и самих старцев высмеивают в глаза и за глаза, называя их отжившими. Такая работа производится не на виду богомольцев, поэтому они о ней ничего не знают; знают про нее только сами насельники, и иные скорбят, а иные радуются и празднуют победу (?).

Отец Герман — постепенно угасающий светильник, но дух продолжает быть сильным. Я часто бывал у о. Германа, как пользовавший его, и имел случаи и досуг наблюдать его духовную сторону. Редко приходится наблюдать настолько сильные проявления вдунутого Богом в человека духа, обособленного, отмежеванного от плоти"...

18 января 1923 г. "Вчера в 8 ч. 45 мин. вечера мирно почил о. игумен Герман. Отпевание в субботу (21-го). Счастлив о. игумен, что он вовремя отошел ко Господу, т. к. надвигается беда — в ближайшее время закрывают Пустынь в числе прочих монастырей

Александровского уезда. Это не пустой слух, действительность".

21 января 1923 г. "Пишу вам дополнительно под свежим впечатлением от похорон нашего игумена о. Германа. Не стану описывать того, что было, — оно не поддается описанию и может быть воспринято только духом. Необычайная любовь и привязанность к почившему о. Мельхиседека, воодушевив всех, выявила величие, красоту, торжественность, радостность заупокойной службы. Были не похороны — была у нас Пасха, не столько по внешнему виду, сколько по внутреннему содержанию; мы предваряли воскресенье. Я, грешный, удостоен был Господом присутствовать при последних минутах жизни о. Германа. За день до кончины его пособоровали, каждый день причащали Тела и Крови Господа Иисуса Христа, напутствовали его Святыми Тайнами за час до его блаженной, безболезненной кончины"...

На следующий же день после похорон в Пустынь нагрянула ликвидационная комиссия, заявившая, что монахи — больше не монахи, а граждане; словом, началось умирание Пустыни, которое окончилось 6-го мая 1923 года.

Монахи разошлись в разные стороны, а старец о. Алексий вместе со своим келейником переехал в Сергиев Посад, где для него были сняты две комнаты: одна, большая, для о. Макария, а другая, поменьше, — для старца о. Алексия.

Невозможно описать, что пережил старец, уезжая из родной Пустыни, это — тайна его души, но видя, как слабеет его здоровье и силы, он лишь все более и более смирялся, и, когда приезжали к нему духовные дети и что-нибудь ему привозили, он всегда смиренно кланялся и благодарил, говоря: "Я ведь теперь нищий, живу подаянием, меня добрые люди кормят, а сам я уж не могу работать".

Одна раба Божия взяла на себя обязанность ежемесячно собирать среди его близких духовных детей посильное пожертвование, и ей мы были глубоко признательны за ее бескорыстный, святой труд любви к нашему дорогому отцу.

Когда о. Алексий переехал на житье в Сергиев Посад, ему уже было 77 лет и он стал очень слаб ногами, однако любил ходить умываться сам, а когда уж очень сильно чувствовал слабость, тогда его водил его келейник о. Макарий. Однажды о. Макарий привел батюшку к умывальнику и попросил его постоять, пока он все для старца приготовит, но о. Алексий так ослабел, что без поддержки не мог устоять и упал на близстоящую табуретку и сильно расшибся. О. Макарий положил его на кровать. Вызвали доктора: тот осмотрел и нашел, что у батюшки 2 ребра сломано. Однако вскоре же приехал к старцу из Москвы профессор и нашел, что ребра у батюшки целы и только ушиблены. О. Макарий, узнав об

этом, сказал: "Вот, нашумели на всю Россию, что Макарий о. Алексию два ребра сломал, а они оказались целыми".

Духовник о. Алексия, о. Владимир, рассказал следующее: "Особенная добродетель была у отца Алексия — это молитва. Он принуждал себя к ней до самой смерти. Раз, когда он был болен, я остался у него ночевать, о. Макария не было. Со мной вместе ночевал и иеродиакон о. Исидор. Мы спали в большой комнате на полу. У о. Алексия сильно болели ноги, так что он с трудом ходил. Часа в три утра я услышал, что о. Алексий тихонько идет к нам. Вошел он в нашу комнату и сказал: "Отцы, вставайте, я уже давно не сплю", — и пошел обратно в свою келью. Мы быстро встали и вдруг услыхали сильный грохот. Вбежали в келью к старцу, а он лежит на полу. На этот раз батюшка не расшибся сильно, слава Богу. Тут же мы его подняли, положили на кровать и стали вычитывать службу".

"О. Алексий до последней возможности нудил себя не только молиться, но и класть земные поклоны, подражая в этом своему старцу — о. Герману, который делал частые земные поклоны, хотя и встать-то с колен не имел уже под конец силы. Поклонится, а мы уж его и подымаем, и в то же время про себя брюзжит: "Не можешь встать, так уж и не кланяйся". У него так сильно болели ноги, что он почти ходить не мог, а все же принуждал

себя ходить в храм. А о. Алексий, когда уже совсем ходить не мог, все укорял себя, лежа в постели, говоря: "Какой же я монах, если не могу исполнять монашеских правил?"

До 1925 года старец еще немного бродил по комнаткам, но, наконец, ноги его так ослабли, что он слег в постель, и, бывало, когда надо было пить чай или кушать, о. Макарий, келейник старца, сажал его на кровать, а потом уж и это для старца стало невозможно, так он ослаб.

19-го сентября 1928 года старец мирно отошел ко Господу. Его келейник, отец Макарий, до самой кончины старца оставался его верным слугой и безропотно нес свое нелегкое послушание.

Да послужит жизнеописание старца Алексия в назидание и утешение всем верующим и неверующим читателям.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

СЛУЖЕНИЕ И ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ СТАРЦА АЛЕКСИЯ

IV. ИСПОВЕДЬ У СТАРЦА АЛЕКСИЯ

Из воспоминаний духовной дочери старца Елены Мажаровой

Обращение мое к вере произошло в 1919 году, когда я совершенно случайно попала в церковь Рождества Христова в Палашах, в Москве. Туда направила меня и сестру мама, которая сама была очень верующей, но лютеранского вероисповедания.

И вот, Великим постом, на Страстной неделе, я пошла в эту церковь, где находится чудотворный образ Богоматери "Взыскание погибших". Передать то впечатление, те переживания, которые охватили меня во время богослужения там, у подножия святой иконы, мне очень трудно. Вся я словно переродилась там. Новые, до тех пор неизведанные чувства и мысли стали волновать меня. Забыв обо всем на свете, о всех меня окружающих, я вся отдавалась, всею душою, порыву религиозных

чувств и переживаний. С тех пор с неудержимою силою повлекло меня в этот храм к чудотворной святыне, где я нашла для себя новую жизнь и новые радости.

Непросвещенная духовно, не умея разобраться в себе и в своих душевных состояниях, я жила только молитвенным порывом, охватившим меня. Вот приблизительно в это время и услышала я о существовании Зосимовой Пустыни и старца о. Алексия. В январе месяце 1921 года я поехала туда с сестрами и с одной своей близкой знакомой, сестрой по духу. Пустынь эта произвела на меня чарующее впечатление. Все, положительно все в этом монастыре восхищало меня: и храм, и богослужение, и монахи, и их жизнь. Словно тихое веяние благодати ощущалось там повсюду.

К старцу мы попали сначала все вместе, на общую предварительную беседу. Первое впечатление от этой беседы у меня осталось очень несильное. Меня как-то смутил старец, как своим внешним видом, так и обращением с нами. Мое, тогда еще почти детское, воображение рисовало себе старца-схимника совсем другим, а не таким "простым человеком", каким мне показался старец. Когда мы вошли, старец благословил нас и попросил сесть всех за стол, сам он сел тут же. Не помню, что говорил нам батюшка, беседа, казалось мне, была самая незначительная. Старец спокойным, ровным

голосом расспрашивал нас: откуда мы, есть ли у нас родители, учимся ли мы и т. д. Потом давал нам самые общие наставления о том, как надо жить, верить и молиться Богу. Я, повторяю, плохо помню все эти наставления; меня в то время смущали всякие посторонние мысли, которые лезли в голову, и в душе росло неприятное чувство разочарования в старце.

Мы ушли, обещая батюшке на следующий день придти к нему, каждая в отдельности. Но после первого свидания со старцем идти к нему на отдельную беседу мне уже не очень хотелось. Однако рано утром на следующий день мы все-таки встали и пошли к старцу. Как сейчас помню себя идущей к дверям батюшки, а за собою о. Макария с лампочкой. (Старец начинал принимать с 5-ти часов утра, и зимою это было еще совсем темно); помню стук в дверь и молитву, прочитанную келейником, и затем последовавший ответ густым басом: "Аминь". Я вошла. Невольное волнение охватило меня. Передо мною, вставши с кресла, стоял во весь свой высокий рост вчерашний старец, но вчерашний ли?! — Меня поразила перемена в нем! Передо мною стояло словно новое лицо, новый человек. Куда девалось все, что еще вчера делало его "простым человеком", так неприятно смутившим меня? С ласковым, светлым лицом, с проникновенным взором темных, необыкновенных, как мне показалось

тогда, глаз, стоял старец посреди комнаты и протягивал ко мне вперед свои руки. Смущение мое словно сразу рассеялось, и, как к родному, с полным доверием я двинулась от порога навстречу батюшке. Поклонившись ему по-монашески в ноги и поцеловавши его руку, я встала с колен. Старец молчал, молчала и я, не смея заговорить первою и потупив взор в землю; как вдруг почувствовала, что руки старца обняли меня за плечи, и крепко, крепко, как родную, прижал меня старец к себе. От неожиданности я очень смутилась, но батюшка, держа меня за обе руки, повел за собою. Опустившись в кресло, он поставил меня на колени рядом с собою. С нежною лаской он продолжал меня молча гладить по голове и по щекам (словно силясь разбить меня до конца во вчерашних смущениях). От этой искренней отеческой ласки совсем чужого мне человека я очень растрогалась. И так молча батюшка ласкал меня до тех пор, пока я, вконец умягченная душою, вдруг заплакала, растерявшись перед этим "сверхчеловеческим", как мне показалось, отношением старца ко мне; я не знала, что мне делать, как мне со своей стороны отвечать на него. С признательностью и слезами я только без конца целовала руки, которые меня так нежно, по-матерински ласкали. И только когда я заплакала, старец впервые заговорил со мною, он словно и ждал только моих слез:

"Бедненькая, — сказал он, — она плачет. Как мне тебя жалко! Детынька, приголубить-то тебя, видно, некому. Вот они слезинки-то так и катятся!" И старец с беспокойством стал заглядывать мне в лицо и своими ручками утирать мои слезы, которые обильно текли по щекам. Когда я немного успокоилась и перестала плакать, батюшка спросил меня: зачем я приехала — на исповедь или на беседу. Я со скорбью сказала ему, что получила разрешение от святейшего только на беседу, но что мне так хотелось бы исповедаться. На это старец сказал мне успокоительным тоном: "Ну и хорошо, побеседуем с тобой, побеседуем". И начал говорить сам. И не успела я опомниться, как стояла уже перед ним со вскрытою во всех ее уголках душою. Картину за картиной рисовал старец предо мной мою прошлую жизнь, открывал мне сам мои грехи. Прозорливость его меня поразила и совсем уничтожила. Словно громом пораженная, стояла я перед ним в смятении и слушала сама про себя, про давно забытые и неосознанные свои поступки; подробно, вплоть до каждой мелочи, описывал мне батюшка мои грехи, говоря, сколько лет назад и при каких условиях они мною совершались. Изумлению моему не было границ. Мне стало даже страшно и жутко, а батюшка, словно отвечая на мои мысли, говорил: "Ты не думай, детынька, что я прозорливец какой-нибудь, это

я просто опытный, много видел и слышал всего, ведь я духовником еще в Успенском соборе был". Но я, кажется, в то время и не могла больше ни о чем думать, мысли мои стали путаться, вся я горела, словно в огне, и стала плохо уже понимать то, что дальше говорил мне старец. Он же истинно прозревал все, что со мною совершается: время от времени начинал он крестить меня, мой лоб маленькими крестиками, как бы силясь помочь мне и освежить мою голову и мысли.

И так мы беседовали, как и сказал батюшка, но беседа эта вскрыла все самые затаенные уголки моей души и очистила ее от застарелой грязи. Мы проговорили со старцем часа три. Боже мой! Каким родным, чудным и великим сидел теперь предо мной этот человек, еще вчера непонятый мною! Слезы так и навертывались на мои глаза при взгляде на него, а он, видя их, ласково утешал меня: "Детынька, — говорил он, — помни, что нет греха, которого Бог не простил бы. Он и тебя простил сегодня, видя твое покаяние. Разве я не вижу, как ты страдаешь, и мне так дороги эти твои страдания. Ты мне теперь родною стала, как дочка моя, а я — твой отец".

Мне казалось, что я все-все тяжелое оставила у него и уходила от него с облегченной совестью. По окончании разговора старец сказал мне: "Ну, детынька, а уж разрешить-то тебя от грехов я не могу, не имею права, раз

ты у святейшего на беседу просилась. Пойди к о. Иннокентию и скажи ему, что я прошу его разрешить тебя, скажи, что исповедовалась ты у меня. Ну, а теперь помоги мне встать, детынька, пойдем, я тебя благословлю чем-нибудь на дорогу".

Нужно сказать, что все время нашей беседы со старцем он ни разу не спросил меня, есть ли у меня в Москве духовник, куда я хожу молиться и т. д., так что мне не пришлось совсем обмолвиться о том, как, когда и где я начала верить и стремиться к духовному. За множеством грехов моих мы об этом поговорить словно забыли. И только под самый конец прозорливостью старца все это вдруг выяснилось. Итак, батюшка повел меня за собою в свою другую комнату, его спальню. Там на комоде у него лежало много всевозможных икон, брошюрок и листков. Батюшка подошел к комоду и начал перебирать их. Долго искал он словно что-то определенное среди брошюрок, наконец, вынувши одну из них, подал мне со словами: "Вот нашел, на тебе. Тут вот и иконочка нарисована". Я взяла из рук батюшки брошюрку и, взглянув на иконочку, там нарисованную, громко воскликнула: "Батюшка, что вы мне дали? Ведь это икона "Взыскание погибших", моя любимая! В церковь, где она находится, я хожу всегда молиться, там было мое первое обращение к вере". И, захлебываясь и волнуясь, я начала

рассказывать батюшке, как все это было. Старец выслушал меня с радостью на лице и ответил: "Ну, вот видишь, значит я угадал, дал тебе твое родное". И сам стал рассказывать мне о том, что и для него эта икона дорога, что и для него она является "спутницей жизни". — "Эта икона, — говорил батюшка, — дана мне в благословение матерью на всю жизнь, а после смерти жены она и в монастырь пришла со мною!" Говоря об этом, старец подвел меня к своему киоту и показал мне свою святыню в ризе, небольших размеров.

Настал момент разлуки. Батюшка, благословив меня в последний раз, ласково сказал: "Ну, прости, детынька". Но я уйти не могла. Батюшка позвонил. Я сделала несколько шагов к двери и снова вернулась. Батюшка с терпением и любовью еще раз благословил меня, и, казалось, так хорошо понимал мои переживания. Кто-то уже двигался за дверью, а я все стояла на одном месте и со слезами смотрела на старца; он же, нежно, ласково обнимая меня, говорил мне: "Детынька, как она привязалась ко мне, не хочет уходить от меня. Ну, что же мне с тобой делать-то? В карман что ли положить тебя?"

Но тут уж я принуждена была выйти, — вошел о. Макарий и ворчливым голосом доложил: "Пора кончать, батюшка, там другие дожидаются". Я вышла, еле-еле сдерживая подступившие к горлу слезы, а на другой день

я брала разрешительную молитву у о. Иннокентия, соборовалась и затем причащалась.

Уезжая из Зосимовой Пустыни, я горько плакала, не хотелось уезжать из монастыря и покидать дорогого старца, ставшего вдруг таким близким.

Сильно, потрясающе действовала на меня всегда исповедь у старца. Не было ни одного раза, чтобы я не плакала, бывая у батюшки на исповеди. Ласка, любовь и нежность его ко мне были всегда беспредельны! Слышала я стороною, что старец будто бы умел быть с другими строгим, но со мною он таковым никогда не был и представить его таким мне даже трудно. Вся его строгость, и то редко-редко, сводилась иногда к тому, что он начинал меня за какую-нибудь провинность трепать за ухо, или изменял мое имя, называя не Ленушкой, как обычно, а Ленкой. Не помню случая, чтобы мне когда-нибудь удалось хотя что-нибудь скрыть от старца, особенно, когда он вдруг во время исповеди брал мою голову в свои руки и, приближая ее к своей голове, так, что наши глаза приходились в уровень, близко-близко одни от других, начинал смотреть в душу своим вдруг изменившимся, остановившимся, странным и для меня, грешной, даже жутким взглядом. Этого его взгляда я не могла выносить никогда. Мне делалось как-то страшно и, по своей греховности, я часто прилагала всякие усилия, чтобы только не

взглянуть в это время на батюшку. Однако, он всякий раз настаивал на этом, часто просто умолял меня взглянуть на него "хоть разок", а когда я на это не соглашалась, то он насильно, хоть на миг, старался заглянуть мне в глаза и тогда словно успокаивался. Много и часто думала я об этом. Для чего нужно было батюшке непременно таким образом и хоть разок заглянуть в глаза пришедшего. Неужели он все узнавал через это? Мне говорили, что батюшка делал так и с другими, но я лично каждый раз со страхом ждала на исповеди этого момента, относясь к нему, как к высшему проявлению Силы Божией в старце, как к дару прозорливости в нем. И сейчас часто, часто, словно живые, встают в моей памяти эти необыкновенные глаза батюшки — глубокие, с широко раскрытыми зрачками, темные, темные, словно бездонные.

Из воспоминаний келейника старца отца Макария

Батюшка принимал приходящих к нему на совет или на исповедь с большим вниманием, смирением и любовью и старался совершить исповедь или беседу, насколько позволяло время, по возможности, не спеша. Одна богомолка, выйдя после исповеди от старца и встретивши одного монаха, спро-

сила: ”А что у вас этот духовник-то, с Афона? Уж очень долго исповедует”. — Один протоиерей, исповедовавшись у старца, так выразился о нем: ”Хороший духовник, у него и вопросы-то так поставлены, что, пропустивши один, на другом попадешься”. Бывало и так, что, отпустивши исповедника, батюшка сам посылал за ним, чтобы еще передать ему нужный совет.

Из воспоминаний Зинаиды Поморцевой

Была я у старца Алексия, кажется, в 1922 году на Троицын день. Пошла к нему после вечерни; о. Макарий сказал, что пропустит меня, но проходили часы — всех, и после меня приехавших, пропускали, а меня все нет и нет. Я терпеливо ждала, думая, что это испытание. Наконец, о. Макарий сказал, что не пустит меня и что, вероятно, я на этой неделе совсем не пойду. Я страшно расплакалась и в слезах ушла в номер. Там на меня снизошло спокойствие. Не успела я со своими знакомыми сесть чай пить, как приехала игумения Сергия из Дмитрова. Номера были все переполнены, и ей пришлось остаться в коридоре. Мы пригласили ее к себе пить чай. Она мне очень понравилась, мы разговорились. Игуменья Сергия была постоянной духовной дочерью старца и без совета его

ничего не делала. Она обещала меня провести к отцу Алексию.

На следующий день в половине пятого утра мы отправились к старцу. Вошла матушка и пробыла у него около 2-х часов, потом ее келейница, еще несколько человек, наконец — я. Отец Макарий крикнул: "Смотри, не больше пяти минут". Я остановилась на пороге: никогда не бывая у старцев, я не знала, как себя вести, и меня поразило величие о. Алексия. Он сидел в низком кресле в схиме (хотя неполной), величественный и весь седой. Вдруг слышу его голос: "Иди, иди ко мне". Он велел поклониться ему в ноги по монашескому обычаю и говорит: "Я увидел твои слезки, и мне жаль, жаль тебя стало". А я уж и забыла, что вчера плакала. Потом он начал гладить меня по голове, ласкать... Мой духовник велел мне непременно добиться исповеди у старца, но я не могла и заикнуться об этом, помня строгий окрик о.Макария — "не больше пяти минут". Но вдруг отец Алексий, все продолжая меня ласкать, сам стал говорить мои грехи — все с семилетнего возраста, о которых я и вовсе позабыла. И все, как живое, вставало перед моими глазами. Почти час говорил он... Потом кончил: "Теперь ты можешь быть покойна и причаститься". Только тут я поняла, что это была исповедь. "Теперь я буду за тебя всегда молиться", — сказал старец и записал мое имя в свое поминание. Я поднялась, чтобы

уходить, но старец все гладил меня по голове и повторял несколько раз: "Ах, бедненькая, бедненькая, как мне тебя жаль, некому тебя пожалеть, приласкать!" Я не поняла тогда этих слов. У меня был духовный отец, который и со всеми был очень добр и внимателен, а ко мне относился, как к родной дочери. Я не только часто исповедовалась, но каждый день почти могла говорить с ним, сообщая все свои радости и горести, и в участии, жалости и ласке недостатка не было. Через год или полтора он умер, и тогда я поняла, о чем говорил старец. Вот уже шесть лет скоро, как некому меня пожалеть.

Потом о. Алексий велел позвать к нему снова игуменью Сергию, но не давал звонка, позволявшего ей войти. Минут 15 продолжался перерыв. О. Макарий сказал, что старец молится за меня ... Игуменья Сергия полюбила меня сразу и все звала в свой монастырь погостить, а еще лучше совсем остаться: обещала, что я буду самым близким к ней человеком. Я спросила у батюшки благословения на это. Мне он ничего не ответил, я ждала возвращения игуменьи, она опять почти час пробыла у батюшки, а выйдя, совершенно переменила свое обращение со мной — не только не звала к себе, но почти не узнавала. Через год она умерла, а монастырь, который она устраивала, распался.

Как на крыльях, в восторге прилетела я в номер, и весь день продолжался такой духовный

подъем. В 12 часов ночи все собрались к старцу под благословение. Я схитрила, чтобы отец Макарий не узнал меня, сняла сестринскую косынку и пошла с открытой стриженой головой. Он, действительно, не узнал, пропустил, но предупредил, как и всех: "Ни одного слова не говорите, примите только благословение на сон грядущий".

Это было удивительное состояние, когда мы поднимались по лестнице, точно в другую жизнь переходишь. В келье совсем темно, одна лампадка, надо было входить ощупью. Я подошла последней, опустилась на колени молча. Старец благословил и вдруг задержал руку на моей голове и говорит: "Ведь ты сестра из Н-ой церкви". Меня охватил ужас. Он не мог узнать в темноте, после того, как сотни людей побывали у него за день. Меня поразила его прозорливость. "Так помни все, что я тебе говорил, чему тебя учил"...

Из воспоминаний монахини А.

Началась вечерня, когда на солее бокового правого придела появился старец. Высокий, в мантии, эпитрахили и поручах, с седыми волосами, светлым лицом и проницательным взором, он был так величественен, что приковал мое внимание. Прочитав молитвы перед исповедью, он сказал краткое слово, призывая

к чистосердечной исповеди. "Христос невидимо стоит, приемля твое исповедание", — прозвучал в моей душе благовест с неба.

Пели стихиры на "Господи воззвах", когда я стояла у иконы Спасителя перед Крестом и Евангелием и посмотрела на батюшку. Медленно, медленно, одна за другой катились слезы из его глаз, сдержанный тихий вздох уловила я, теплом, ласкою, святостью веяло от старца. Слушая меня, он сел на скамейку, а я, стоя на коленях перед ним, открыла свою душу; его ласка согревала, каждое его слово, как из уст Господа, вливало свет, тишину, покой. По окончании исповеди за всю жизнь дивный старец сказал: "Вижу, А.В., что вы очень благочестивы, но как бы вы живой не попали на небо, вас надо держать за ноги, вам необходимо руководство, советую обратиться к А. А. Вам нужно спать 10 часов, приходить к концу божественной литургии, усилить питание, читать утренние и вечерние молитвы, I главу из Евангелия, читать Иисусову молитву и кратенькую Божией Матери".

Выходя от старца, я чувствовала Пасху на душе, и очень удивилась, когда услышала шепот богомольцев: "Что это за грехи у этой молодой барышни, сама тощенькая, в белом платке, в руках белая шляпка, почитай часа четыре была у старца" (конечно, не четыре, а полтора).

Второй и последний раз я приехала в Зосимову в пятницу 27-го июля 1909 года. Во время

всенощной, когда пели "Честнейшую", попала я к старцу на исповедь. По окончании исповеди батюшка сказал: "Придете в гостиницу, попросите у о. Иннокентия 3 стакана молока и непременно выпейте его". Молока я выпила 3 стакана, а слез пролила без меры, и старцу после поздней литургии я сказала: "Батюшка, молоко-то я выпила, а от скорби проплакала всю ночь". "Хорошо, что послушались меня, ведь вы бы не выдержали и одной литургии, а теперь были за двумя"...

Да успокоит Господь твою любвеобильную душу в святых селениях райских, незабвенный батюшка, и да осеняет меня всегда твоя святая молитва.

Из воспоминаний монаха Зосимовой Пустыни

Отец Герман говорил про отца Алексия, что он на исповеди и сам перечисляет грехи, и спрашивает всю подноготную. Ему возразили: "Батюшка, но ведь тут можно и самому в помыслы влезть?" А о. Герман в ответ: "Конечно, можно простому человеку, но ведь у него и сила. Все расспрашивать может тот, кто сам дочиста открывается".

Отец Алексий имел своим старцем и духовником отца Германа, а отец Герман, в свою очередь, исповедовался у отца Алексия. К ним вполне могут подходить слова еп. Павла: "друг

друга честно больше себе творяще". Один монах так рассказывает о старце: "Старец исповедовался у о.игумена Германа натощак, каждый изгиб исповедовал, все помыслы, все деяния, как маком написано (все мелочи излагал): часа по два исповедовался. Перед исповедью пойдет по всей братии и клиросным и, кто встретится, говоря: "Простите меня Господа ради, я собираюсь причащаться. Не оскорбил ли я вас, скажите откровенно. Если согрешил, простите, Господа ради". Когда сам исповедовал, расспрашивал о самых тончайших делах и помыслах. Однажды, идя на откровение помыслов у о. Германа, остановился с о. Мелхиседеком и сказал ему: "Вот, мне уже за 50 лет, и я уже два года в монастыре, а только теперь стал чувствовать, что такое монашеская жизнь в пользу откровения, а я ведь был священником, людей учил..."

Когда пускали к нему на исповедь по выбору, был недоволен: "Я, — скажет, — не на лицо, а на человека должен смотреть".

Из воспоминаний Е. Л. Ч.

У отца Алексия был обычай делать генеральную исповедь, т.е. расспрашивать о грехах с семилетнего возраста. Многие и не понимали, что то или иное грех, а батюшка все тонкости, все изгибы разберет. Спрашивает бывало: "Не грешен ли в этом?" — "Нет". — "А вот это, а вот

это?” И прижмет так, что человек увидит, что он творил грех, совсем не считая то грехом.

У старца был особый дар напоминать грехи. Он учил и других духовников, обращавшихся к нему за советами, быть очень тщательными в деле исповеди. Если же кто стеснялся задавать вопросы о плотских грехах, то старец говорил: ”Тогда лучше не задавать, чтобы не соблазняться”. Некоторые горделивые расстраивались от вопросов старца, но после чувствовали пользу. Старец так говорил им: ”Мой долг спросить и наставить, — ваше дело принять, как от Самого Бога, и раскаяться”. Людям, которые не сразу открывали свои грехи, он говорил: ”Во грехе гнить хотите? Не желаете исцеления?” Когда, наконец, грехи после увещания были открыты, старец говорил: ”Ну вот, ведь не съел же я вас”.

Старец умел с такой любовью и уважением подойти к кающемуся грешнику, что это его расположение буквально располагало выискивать всю грязь и нести ее к ногам старца. Какое бывало после исповеди у него облегчение, какая радость в душе! Старец так говорил о духовнике: ”Духовник — это баня, которая всех моет от грязи, а сама в болоте стоит”. Он не раз говорил священникам, чтобы они, слушая какие-нибудь тяжелые грехи на исповеди, что называется, и виду бы не показывали, что ужасаются, слушая о таких вещах! Тут надо много любви и снисхождения иметь, чтобы грешник не впал в отчаяние.

V. СВИДЕТЕЛЬСТВА О СЛУЧАЯХ ПРОЗОРЛИВОСТИ И МОЛИТВЕННОЙ ПОМОЩИ СТАРЦА АЛЕКСИЯ

1. Мой товарищ по Духовной Академии Н. И. П. был однажды в 1908 году у батюшки на исповеди. Прощаясь с ним, батюшка вдруг сказал ему про его сестру: "Ах, бедная, бедная ваша сестра!" Н. И. не понял слов батюшки, потому что сестра его была здорова, и он не подозревал никакого с ней несчастья, однако, когда он приехал домой, то нашел дома телеграмму от матери с извещением, что сестра его сошла с ума.

2. Одна учительница, В.П. Дмитриенко, в 1915 году, по своему обыкновению проводить в Зосимовой Пустыни субботу и воскресенье, однажды приехала туда и вошла к батюшке за ширмы. Батюшка встретил ее с удивлением: "Вера, ты почему приехала сегодня? Зачем? Я тебя сегодня никак не ждал. Братья-то

твои все у тебя живы?" "Все, батюшка, живы", — ответила В. П., недоумевая о такой встрече и о таком вопросе. По приезде в Москву она нашла у себя телеграмму с извещением о смерти ее брата-юнкера, которого даже уже успели похоронить.

3. 7-го мая 1906 года я был в первый раз у батюшки. Вместе со мной были товарищи, между прочим М. Ф. Б. В гостинице мы попросили каждый себе по отдельному номеру. М. Ф., человек с больным сердцем, очень боялся одиночества, но нам постеснялся это сказать и промучился в своем номере всю ночь. Он и зарывался головой в подушки, и всячески иначе пытался успокоить себя, и выбегал сидеть в коридор, но никак не мог избавиться от мучившего его болезненного страха. Так, бедный, он и не спал всю ночь. На следующий день он сказал об этом о. Алексию. Отец Алексий благословил его и перекрестил его сердце; на следующую ночь страх его совершенно оставил и он спокойно спал в своем номере, ничего не боясь.

4. М. Г. Золотова 8-го марта 1915 года приезжала в Москву хлопотать об открытии в Рязани женской гимназии. К своему огорчению, она узнала в округе, что заседание попечительского совета, от которого зависело дело, назначено на следующий день, что программа

заседания уже составлена, и потому дело ее уже не может слушаться завтра. Таким образом, вопрос о ее гимназии откладывался на год, но и через год успех ее дела все же был сомнителен по некоторым важным причинам (между прочим потому, что М. Г. З., основательница и начальница предполагаемой гимназии, не имеет не только высшего, но и среднего образования). Огорченная М. Г. все-таки просила правителя канцелярии, чтобы попечитель принял ее бумаги, и поспешила в Зосимову Пустынь к о. Алексию, по благословению которого она и затеяла все свое дело.

— И ты уже усумнилась, — укорил ее тот, когда она рассказала ему свою неудачу и неутешительные известия. Затем М. Г. из Зосимовой приехала в округ, т. к. батюшка ее благословил и обнадежил успехом. И, действительно, когда она приехала в округ, то узнала, что ее дело рассматривалось на заседании попечительского совета, и вопрос о ее гимназии был решен в положительном смысле.

5. Некто М. А. Хромцева рассказывала, что была у батюшки только один раз, незадолго до ухода его в полный затвор, приблизительно в марте месяце 1916 года. Ехала она туда с сокрушенным сердцем, боясь за один свой грех. Однако батюшка, вопреки ее ожиданию, очень снисходительно отнесся к ее греху, но

очень строго начал говорить о ее муже, которого он знал. О нем он стал говорить с негодованием и рассказал некоторые темные подробности из его жизни, даже из давно прошедшего, про которые М. А. действительно слыхала от самого мужа в минуту его откровенности. "Если муж твой не исправится, он погибнет", — говорил о. Алексий.

6. В 1907-м году А.В.Пороховников, в бытность свою белостокским железнодорожным комендантом, посетил батюшку. Разговаривая с ним, батюшка сказал ему: "Вот я вижу, вы теперь хорошо знаете нашу монастырскую жизнь, и потому, когда вы будете в Успенском соборе, поддерживайте нас, монахов". А.В. никак не мог понять, зачем о.Алексий сказал ему, чтобы он защищал монахов, когда он будет почему-то в Успенском соборе. Через 3 года слова батюшки объяснились: в 1910 году произошло покушение на ограбление Чудотворной Владимирской Божьей Матери в Успенском соборе. Решено было для лучшего наблюдения и охраны Успенского собора учредить особую должность смотрителя собора, и на эту должность прокурор Московской Синодальной Конторы Ф.П.Степанов рекомендовал Синоду известного ему благочестивого подполковника, железнодорожного коменданта А.В.Пороховникова. Хотя А.В. и предстояли вскоре повышения

по службе на железной дороге, но ради Дома Божьей Матери он оставил все земные расчеты и дал свое согласие занять место смотрителя собора. О. Алексий его на это благословил. И когда ему в соборе приходилось иногда слышать нападки на монахов, он вспоминал тогда слова о. Алексия, сказанные ему в 1907 году, и старался защищать по мере сил своих русское монашество. Сделавшись смотрителем собора, А. В. поехал опять к о. Алексию взять благословение на новую службу и новую жизнь. Тот благословил его и, давая ему разные советы относительно службы в соборе, где он сам раньше служил, между прочим дал совет, по-видимому к А. В. не относившийся, а именно, как ему продавать свечи и как ему при этом держать себя. А. В. возразил, что он не староста, а продажа свечей не его дело. Батюшка на это промолчал. Через месяц после этого за случившейся болезнью старосты собора А. В. должен был по указу Синодальной конторы взять на себя временно обязанности старосты Успенского собора, а через год, в августе месяце 1911 года, он был утвержден в настоящей должности. Совет о. Алексия был дан ему кстати.

7. Сын А.В. Пороховникова Сергей, кончив в 1914 году реальное училище в Москве, очень хотел поступить или в Гардемаринские классы

Морского корпуса, или, если это не удастся, в Московское Инженерное училище. Отец, для решения этого вопроса, посоветовал ему съездить в Зосимову Пустынь к о. Алексию и взять его благословение. Они поехали в Пустынь вместе. Сережа отличался нежной душой и был очень религиозен. На вопрос, куда батюшка благословит его поступить, он совершенно неожиданно, и для себя, и для своего отца, получил ответ: "В Александровское военное училище". Сережа так расстроился этим ответом (он совершенно не чувствовал влечения к военной службе), что даже расплакался и плакал, как ребенок на плече у батюшки; однако батюшка решения своего не переменил и только повторял: "Сережа, милый, не плачь, ведь ты спросил моего благословения, а мне думается, что тебе всего лучше поступить сейчас туда". С этим А. В. и Сережа и уехали от батюшки. Приехав домой, Сережа, однако, подал прошение в инженерное училище. И что же? Прошло лишь несколько недель, и вдруг объявляется война с Германией и предлагается всем молодым людям, окончившим среднее образование, поступить в Александровское военное училище. Патриотическое чувство захватило тогда Сережу. Он тут же записался в это училище, как и благословил батюшка.

8. Одна наша хорошая знакомая рассказывала, как однажды во время германской войны она была у батюшки в Зосимовой Пустыни. Перед нею была одна молодая женщина, у которой муж был в это время на войне (О. С. Садовская). Она сильно тосковала по муже. Ей о. Алексий ничего не сказал, а когда подошла наша знакомая, батюшка вдруг и говорит: "Вот у меня была сейчас Олечка, она тоскует по своем муже, а ведь муж-то ее убит". Как мог это узнать батюшка — Господь ведает, но через две недели после этого Оле прислали известие о смерти ее мужа.

9. Духовная дочь старца О. И. Морозова была на Рождестве 1915 года у батюшки. Батюшка в беседе с ней спросил ее, есть ли у нее прислуга и порядочная ли она, честная ли, подчеркнул батюшка. О. И. стала говорить, что прислуга у нее очень хорошая и честная, живет уже у них не первый год, и за нее можно поручиться. "Все-таки, — сказал батюшка, — ты будь осторожна и поприглядывай за нею". О. И. была удивлена подозрительностью батюшки к ее прислуге, которой она совершенно доверяла, но по возвращении домой все-таки стала внимательно следить за нею и вскоре заметила исчезновение какой-то вещи. После того, как она нигде не могла ее найти, она решила поискать пропавшую вещь в

вещах прислуги во время ее отсутствия, и вещь действительно оказалась там. Батюшка был прав. Прислуга оказалась нечестной, и, когда узнала, что ее воровство открыто, она тотчас же поспешила уйти с места.

10. В тот же раз батюшка сказал О. И.: "Вот ты теперь здорова, но когда будешь хворать, переноси болезнь терпеливо и не ропщи на свое страдание". Через две недели после этого О. И. настолько серьезно захворала, что была близка к смерти. Во время самых сильных страданий своих, она вспоминала слова батюшки и ими поддерживала свои силы. Болезнь продолжалась недели две, и потом, по милости Божией и по молитвам старца, О. И. выздоровела.

В тот же раз О. И. рассказала батюшке о скорби своей сестры, у которой муж был на войне и которую она очень любила. Сестра очень скучала по нем, не получая от него последнее время известий. Батюшка сказал: "Ну, что она скучает? Вот муж ее скоро приедет и ее утешит". Действительно, через несколько же дней после этой беседы с батюшкой, муж сестры неожиданно приехал с фронта в Москву по казенной надобности и вместе с женой побывал у батюшки.

(Со слов М. И. Карповой)

12. Анна Васильевна Кондакова имела слабое сердце. С ней случались сердечные

припадки, которые наступали иногда неожиданно, вследствие чего родные не позволяли ей отлучаться надолго и далеко от дому, если только она себя немного нехорошо чувствовала. Однажды она себя чувствовала очень плохо. Она думала, что пришла ее смерть, и ей страшно захотелось съездить в Зосимову Пустынь к о. Алексию, которого она давно знала и почитала, чтобы взять у него благословение, может быть уже перед смертью в последний раз. Чтобы родные не воспрепятствовали ее поездке, она им ничего не сказала про свое нездоровье. Дорогой ей стало еще хуже, и она думала только о том, как бы ей только до батюшки доехать, а там — буди воля Божия. Доехала она до Зосимовой, пришла к батюшке, стала с ним говорить... и забыла про свою болезнь. Только уже к концу беседы она вспомнила, что ведь она больная и еле доехала до батюшки, — и сказала ему об этом. Батюшка выслушал, помолчал немного, потом перекрестил грудь больной. С тех пор уже лет 10 прошло, а больная совершенно здорова и никаких болезненных явлений в сердце ни разу не чувствовала.

13. Однажды на М.И. Карпову напала непонятная и крайне мучительная беспричинная тоска, такая сильная, что бедная девушка не находила себе места, не знала отдыха и близка была к сумасшествию. Тоска не покидала ее

целые полгода. Ничто не помогало. Она обращалась к своим московским духовным отцам: о. Н. Смирнову и о. Н. Величкину. Один из них сказал, что от беспричинной тоски ей не может помочь никакой духовный отец, а другой посоветовал съездить в Зосимову Пустынь. Но в Зосимову Пустынь М. И. поехать не могла за неимением средств на дорогу. После того, как она объявила о.Н.Величко, что поехать в Зосимову Пустынь она по некоторым причинам не может, она по дороге домой зашла к одной своей знакомой барыне, и вдруг та приглашает ее поехать вместе с нею в Пустынь, так как в первый раз ехать с кем-нибудь знающим гораздо удобнее. М. И. с радостью согласилась. Приехав туда и будучи у о. Алексия, М. И. рассказала ему о своей ужасной тоске. Батюшка задумался и потом сказал: "Что это с тобой, детка? Тебя надо перекрестить". Батюшка перекрестил М. И., и тотчас же ее полугодовая ужасная тоска пропала и с тех пор ни разу к ней не возвращалась.

14. Однажды М.И. Карпова, будучи в Зосимовой Пустыни, в день приема батюшки, в числе других богомольцев дожидалась в два часа дня около собора выхода старца из его кельи. Дожидались его и другие богомольцы, и в числе их была одна крестьянка с девочкой лет шести. Батюшка, выйдя из затвора и благословляя эту женщину и ее ребенка, ласково

сказал ей: "Здравствуй, детка! Как твое здоровье? Что твои глазки?" Мать поспешила ответить за девочку, что она, слава Богу, теперь совсем здорова с тех пор, как побывала в Зосимовой. "Ну, слава Богу, слава Богу", — сказал батюшка и пошел дальше. По уходе батюшки в собор, М.И. спросила у женщины, что такое было с девочкой? Женщина сказала, что у девочки очень болели глаза, так что она даже не могла смотреть. Больную девочку мать привезла в Зосимову Пустынь к батюшке. Когда батюшка благословил девочку, ей стало тотчас же лучше. По приказанию батюшки, они взяли из Пустыни святой воды, стали ею мазать, и глаза совсем перестали болеть. Она исцелилась без всяких медицинских средств. М.И. посмотрела на глазки девочки: они были какие-то необыкновенно чистые, светлые лучезарные...

15. Подруга М.И., часто бывавшая у о. Алексия, однажды приехала к нему с новым грехом, о котором он ее никогда не спрашивал, и потому она ужасно мучилась при мысли, как она будет открывать свой грех старцу. В конце концов она решила написать свой грех на записочке и в конце исповеди подсунуть записочку старцу, чтобы он прочитал ее в ее отсутствие. Не тут-то было! Как только она вошла к старцу, он прежде всего заговорил о ее новом грехе.

Другая подруга М.И. — Катя — отказывалась от одного греха, на который ей указывал батюшка. Тогда он указал точно, что с ней случилось и когда: "А как же, что с тобой было на прошлой неделе, в четверг". Никто об этом не знал, кроме нее. Катя должна была согласиться, что действительно это было. Вообще и другие замечали, что часто о. Алексий как будто знал, что было на душе у приходивших к нему, и спрашивал о том, что они сами хотели ему сказать. Часто этим он облегчал их, когда они не знали, не умели или не смели рассказать то, что им было нужно открыть, а батюшка сам им шел навстречу и говорил как раз о том, что было у них затаенного. Часто он отвечал и на мысленные недоумения.

16. У М.И. Карповой однажды шуба дошла до невозможного состояния, износилась и изорвалась так, что неприлично было ее и надевать. Она должна была непременно завести себе новую, но в какие магазины М. И. ни заходила и где только ни прицениваласъ, везде цена самой плохой шубы была не менее 30 рублей, а более или менее подходящие шубы стоили 50 рублей. В ее же распоряжении было всего 20 с небольшим рублей. Как быть? А в шубе острая нужда. Она написала тогда письмо батюшке, чтобы он помолился за нее, чтобы Господь помог устроить ей шубу. Вскоре

после того, как она послала батюшке письмо, приходит к ней сестра: "Маня, — говорит, — дай я тебе сошью шубу". М.И. обрадовалась, но указала на недостаток денег. "Не хватит, я дам", — успокаивает сестра. Пошли покупать и нашли нужный остаток, как раз черный, как хотелось. Купили и ваты. Сестра и раньше знала о нужде М.И. в шубе, но была как-то безучастна, и не предлагала ей ни денег, ни своей помощи. Здесь же она проявила вдруг столько любви, внимания, заботы и усердия. И материя и вата были куплены очень дешево, и шуба вышла на славу. Обошлась шуба М.И. как раз в 22 рубля, т.е. столько, сколько она могла истратить. Когда М.И. после этого как-то приехала к батюшке на исповедь, он во время исповеди несколько раз расправлял и гладил воротник, чего раньше никогда не бывало. Видно, батюшка был доволен, что у М. И. новая шуба.

17. Летом 1913 года мы проводили лето у тестя в деревне. Сереже нашему было тогда три с половиной. Хотя батюшка велел приучать детей к посту с двух с половиной лет, и Сережа наш целый год постился во все постные дни, — мы этим летом поддались увещаниям тещи и разрешили Сереже по средам и пятницам пить молоко, тем более, что он был у нас худенький и бледненький. Мальчику мы объяснили, что позволяем ему по постным дням

молоко "для здоровья", что это можно. Он стал пить молоко. Однажды Сережа, проснувшись, рассказал няне, что видел во сне отца Алексия, который его благословил и сказал: "Почему ты не постишься, Сережа?" По-видимому, Сережа испугался этого вопроса, потому что, рассказывая о нем, заплакал. Няня передала рассказ Сережи нам. Когда мы за утренним чаем переспросили Сережу о сне, он нам его повторил, и опять при воспоминании о вопросе старца слезы показались на его глазах. Мы с женой после этого решили восстановить для Сережи пост.

18. Рассказ свящ. И.В. Гумилевского со слов жены преподавателя семинарии Сергея Павловича Никитского.

Есть в Москве купеческая семья, которая знает и уважает батюшку с того времени, как он был еще в миру. Однажды над этой семьей стряслось несчастье: с отцом семейства сделался удар, который повторился за первым разом второй и третий раз. Положение больного было отчаянное. Приглашенные врачи предсказали неминуемую скорую смерть и даже время ее определили не позднее вечера следующего дня. Оставалась одна надежда на Бога. Жена больного вспомнила дорогого молитвенника — батюшку — и предложила своему сыну тотчас же ехать к старцу и рассказать ему их горе и просить его святых молитв. Сын отказался

ехать, боясь, что отец умрет в его отсутствие, тогда вызвалась ехать дочь. В тот же день она уехала в Пустынь. Когда она была у о. Алексия и рассказала ему про болезнь отца, о. Алексий остался к ее рассказу как будто равнодушен или невнимателен, и только сказал: "Ничего, Бог даст, ваш папаша выздоровеет". Но зато батюшка проявил неожиданное внимание к ее брату и выразил желание непременно и поскорее его видеть. Девица пыталась второй и третий раз уяснить батюшке тяжелое и безнадежное положение отца, но он по-прежнему оставался спокойным и твердил, что все обойдется благополучно. "Только ты мне брата-то непременно пришли", — подчеркивал батюшка. С этим и вернулась девица домой. Отец был все в том же положении: он лежал в постели и хрипел. Вся семья находилась возле него. Все с минуты на минуту ждали его смерти. Вдруг больной сделал усилие, сел на кровати, осмотрелся кругом и сердито спросил окружающих, зачем они собрались и что они тут делают. Собравшиеся были так изумлены оборотом дела, что не нашли, что отвечать, и стояли в рассеянности. Тогда больной стал браниться и кричать, чтобы все от него убирались и занимались своими делами.

С этого времени больной стал выздоравливать. Согласно желанию старца, сын вскоре же поехал к нему. Отец Алексий очень долго беседовал с ним, благословил его иконочкой, и

юноша вышел от старца просветленный и утешенный. Когда молодой человек вернулся к отцу, тот велел ему ехать в Нижний Новгород по торговым делам. Сын поехал, сделал все поручения, но на обратном пути неожиданно скоропостижно скончался. Вот почему наш дорогой батюшка был спокоен относительно отца семейства и проявил особое внимание к его сыну.

19. Один священник, и поныне здравствующий, прежде служивший в Екатеринославе, передал нам следующее: пользуясь летними каникулами, он ежегодно ездил к о. Алексию поговеть и побеседовать. Однажды (это было за несколько лет до революции) с ним попросилась поехать одна очень богатая его прихожанка. Беседуя со старцем, она между прочим его спросила: "Как-то я кончу свою жизнь, батюшка?" А он вдруг и говорит: "В голоде и нищете, в богадельне". Слова эти неприятно поразили вопрошавшую, и она старалась себя уверить, что старец ошибается, ведь у нее такой большой капитал, что и на нее, и на сына на всю жизнь хватит. Но Господь судил иначе. Через короткое время после этой поездки сын женился. Сначала невестка была ласкова со своей свекровью и все шло хорошо, но грянула революция, капиталы пропали, мать стала детям в тягость, и сын, подстрекаемый своей женой, решился устроить свою мать в

богадельню, можно сказать, выгнал мать из собственного дома. У нее даже не было ни собственной постели, ни подушки. Добрые люди сжалились над ней и дали подушку, но матраса так у нее и не было, и спала она на досках. Скорби и лишения, однако, ее не ожесточили, а привели к Богу, смирили, и она находила себе большое утешение и поддержку в святых таинствах исповеди и св. причащения. Перед смертью она тяжко болела, но не жаловалась на свои страдания, а переносила их терпеливо до крайности. Ее последнее желание было, чтобы ей в гроб батюшка положил три живых цветка. Когда эта раба скончалась и надо было ее снять с ее одра, оказалось, что у нее были громадные пролежни, тело в этих местах было покрыто гноем и живыми червями, и с трудом оторвали ее от досок, на которых лежала она, многострадальная. Так как ее погребение было вскоре после храмового праздника в честь св. мучениц Веры, Надежды, Любови и Софии, то батюшка с удовольствием исполнил ее предсмертную просьбу: он положил из венка мучениц в ее гроб 3 живых цветка.

Слова старца сбылись в точности: "Ты кончишь жизнь в нищете, в голоде, в богадельне".

20. Отец Симон, в самом начале своего поступления в Зосимову Пустынь, писал нам в письме от 29 сентября 1912 года, что на первых порах по поступлении его в монастырь его

смущали иногда мысли о его годах (ему было уже 52 года), будто бы не оставлявших ему большого простора для совершенствования. Однажды, смущенный такими мыслями, он шел, понуря голову, из трапезной к себе в келью. Это было в конце недели, когда батюшка принимал народ. По дороге о. Симон столкнулся с ним. О. Алексий возвращался в келью из церкви преп. Сергия. Увидя отца Симона, он остановил его и, потрепав по плечу, ласково сказал: "Не унывайте, о. Симон, и я тоже в ваши же годы поступил в монастырь!"... Отец Симон был поражен прозорливостью батюшки, потому что он в то время, не состоя духовным сыном о. Алексия, никогда не открывал ему своих помыслов и вообще ни разу не беседовал с ним, только брал благословение. Слова батюшки навсегда утешили его относительно его возраста.

21. Из письма С.Е.Кожухова от 25 февраля 1915 года.

"Случаи прозорливости о. Алексия учащаются. На прошлой неделе приезжала сюда (в Пустынь) из Петрограда знакомая моего приятеля Рейнке — девица Мезенцева. Я познакомился с нею только здесь. По ее словам, о. Алексий раскрыл перед нею все ее прошлое, чем она была до крайности изумлена".

22. В том же 1915 году произошло следующее чудо. Наталья Герасимовна Фишер в конце

1914 года тяжело заболела. Врачи сразу не могли определить ее болезни, констатировали лишь опухоль внутри живота. Больную поместили в Петропавловскую петроградскую больницу, потом перевели в Евангелическую. Как в первой, так и во второй больнице, ее освидетельствовали многие врачи, и все они признали в конце концов, что она больна раком брюшины. Об этом писал ее другу о. Сергию доктор Березкин 27 декабря 1914 года: "Пробный прокол обнаружил присутствие коллоидного выпота в брюшине и дает несомненное основание определить коллоидный рак брюшины, идущий, вероятно, из желез. Оперативное вмешательство совершенно немыслимо". Стало быть, Наталья Герасимовна была приговорена к смерти, мучительной и медленной.

Удрученный полученным известием, о. Сергий в первую пятницу по получении письма Березкина сообщил о нем о. Алексию. Старец, к удивлению о. Сергия, отнесся к печальному известию, как ему показалось, невнимательно, глядя куда-то вдаль, и сказал: "Ничего, не тревожьтесь, все уладится", — и перевел разговор на другую тему. Отец Сергий перебил старца и обиженным тоном начал доказывать ему, что рак брюшины безусловно ведет к роковой развязке. Опять о. Алексий, как бы в нетерпении заерзав на диване, произнес: "Да все уладится". Отец

Сергий рассказывает: "Я, грешный, тут его мысленно осудил, подумав: вот влияние монастыря — очерствело сердце даже такого святого человека, как о. Алексий". И тот ни разу при нем не вспоминал Наталью Герасимовну и не спрашивал о ее здоровье. 9 января 1915 года отец Сергий получает неожиданное радостное известие от воспитанника Н.Г. Жемчужникова, который пишет ему 4 января: "Вообразите, какая радость: директор Евангелической больницы Шренк находит, что у Н.Г. не рак, а киста, и что скорее надо делать ей операцию. Он будет оперировать сам при другом докторе хирурге, который пользовал Н.Г. в последнее время. Будем надеяться и спокойно ждать результата". Стало быть, явилась надежда на спасение жизни Н.Г. Отец Сергий пошел с этой радостью к отцу Алексию. Старец, к его изумлению, опять не выразил ни радости, ни удивления, а только сказал: "Ну, значит, она теперь скоро придет сюда". Отец Сергий не вытерпел и спросил его: "Батюшка, почему вы так холодно отнеслись к сообщенному вам радостному известию?" "Нет, нет, — отвечал старец, — меня радует, что дело уладилось, но ведь вы, кажется, мне в прошлую пятницу сообщали о благополучном ходе болезни". "Нет, батюшка, в прошлую пятницу я ничего не мог вам сообщить хорошего о болезни, — сказал о. Сергий, — так как тогда никто не сомневался

в том, что у Н. Г. рак брюшины". "Ну, вот видите, — объяснил батюшка, — это значит старость, я все и перепутал". Но батюшка не перепутал. На другой день была получена из Петрограда телеграмма: "Операция благополучно киста Жемчужников". Ясно, что о. Алексий все знал с самого начала болезни Н. Г., а когда ему на это указали, он по смирению своему представил, что он все перепутал". Н. Г. действительно вскоре поправилась и приехала в Зосимову Пустынь.

Вот еще письмо сестры отца Сергия, Марии Евгеньевны Лодыженской, касающееся этой истории, написанное в день операции Н. Г.

"Пишу тебе под глубоким впечатлением от прозорливости о. Алексия. Много докторов перевидали Н. Г., и каждый в отдельности признавал у нее рак, и к тому же рак желез брюшины — случай не оперативный. На основании этого диагноза все мы смотрели на больную, как на человека, которому осталось лишь несколько месяцев жизни. И вот отец Алексий сказал, чтобы не беспокоились, что ничего опасного нет. И что же: является доктор Шренк, который определяет кисту. Сегодня сделана операция, которая полностью подтвердила этот диагноз, и киста оказалась доброкачественной, так что всякие страхи и сомнения отпали. Я глубоко потрясена этим явным признаком прозорливости батюшки". (10 января 1915 г.)

23. Преподаватель костромского реального училища М.Н. Дурново 8-го апреля 1915 года прислал следующее сообщение о чудесном исцелении его сына Сережи: "28 марта младший сын наш захворал гриппом, 26-го выпустили его ненадолго погулять на солнце, и он вскоре, как принесли его, почувствовал себя нехорошо. Смерили температуру — 40,4°. Помнится, тогда именно (т.е. 26 марта) я просил в письме о. Алексия помолиться за Сережу. 27-го доктор еще не мог точно определить болезни, хотя мы и высказывали свои опасения относительно легкого. Температура была 41°. Тяжело было видеть, как мучается ребенок, ничего не может есть, мало спит, места себе не находит от боли и жара. 31-го доктор предложил впрыскивать Сереже камфору и давать дышать кислородом. Он ожидал кризиса на 7-й день — 1-го апреля и хотел поддержать его силы. Кризиса, однако, не было. Прошли 8-й и 9-й день. Сережа продолжал отказываться от еды, только пил, очень ослаб и стал вяло ко всему относиться. На 10-й день был уже без сознания, температура: 39,7; 40,4; 40,2. Доктор не скрывал, что положение находит почти безнадежным, добавляя только, что надежды вообще не нужно терять. Утром на 11-й день, когда увидели, как изменился Сережа, стало еще тяжелее. Плакали над ним и со слезами молились. Вообще постоянно молились мы и дети. В 12-й день болезни (именно 6-го апреля) Сережа метался, по-видимому, еще

от зубной боли. Часа в четыре с половиной дня заснул. Перед этим он не спал почти всю ночь, утро и день. Доктор удивлялся, как сердце выдерживает, тем более что Сережа — бледный, малокровный мальчик. Сережа проспал одиннадцать с половиной часов, проснулся радостным: температура — 38,4° (утро 7-го апреля), затем 38,1; 38,2. Когда доктору в передней сказали о температуре, он перекрестился, вошел в комнату, перекрестился еще раз и сказал, что выздоровление Сережи — чудо Божие.

Интересно, что посланное М.Н. Дурново письмо о. Алексию от 26-го марта с известием о болезни Сережи сильно запоздало, отчасти по неисправности почты, отчасти и потому, что корреспонденция вручается старцу лишь по пятницам, и если писем оказывается много, то старец не успевает ознакомиться с их содержанием в пятницу и разборку корреспонденции уже откладывает до понедельника. 26-го марта был четверг, к пятнице 27-го оно бы, конечно, не дошло до Зосимовой. Стало быть, оно дошло до старца уже в следующую пятницу, 3-го апреля, но, видимо, старец не успел с ним ознакомиться в тот день и вскрыл письмо только в понедельник — 6-го. Это подтверждается и тем, что о. Сергий видел в синодике старца записанным 6-го апреля болящего младенца Сергия и его родителей — Михаила и Надежду. Как раз с получением о. Алексием известия о

болезни Сережи, а, стало быть, с началом его молитвы и совпадало выздоровление Сережи.

24. М.Н. Дурново рассказывает, что когда он жил в Переяславле и 2 раза не имел возможности по материальным обстоятельствам перевезти к себе семью, жившую в месте его первой службы, в Рыбинске, он переживал крайне тяжелое время. На площади, где он жил, была часовенка Никольского монастыря. Монашенка, бывшая при часовне, как-то заговорила с зашедшим туда М.Н. и рассказала ему об о.Алексии, его прозорливости, мудрости, ответах, о его святой жизни. М.Н. неудержимо повлекло к старцу в надежде найти в нем опору и утешение в своем тяжелом положении.

М.Н. приехал в Пустынь в Вербную Субботу вечером. Думая об о. Алексии, он никак не мог представить себе, как он будет говорить с ним. "Есть человек, который может понять, утешить, подать совет. Но как говорить о том, что переживается теперь, если о. Алексий не знает ни меня, ни условий моей жизни, ни обстоятельств службы? С чего начать?.."

"Я вошел к о. Алексию в воскресенье за литургией, — рассказывает М. Н. в письме ко мне от 3 февраля 1917 г., — о. Алексий сам задал вопрос: "Чем вы занимаетесь?" — "Я учитель гимназии". — "По какому предмету?" — "По математике". — "Кончили Московский универ-

ситет? Так вы не Дурново ли будете?"... Не помню, тотчас ли после этого вопроса или несколько спустя, но вскоре спазмы сдавили горло, — я едва мог говорить: слишком сильно почувствовалось, что в отце Алексии я нашел то, чего недоставало мне, чувствовалось, что можно облегчить мою душу... Давно я не чувствовал себя так хорошо, как после этой исповеди. И понимаю теперь, какую отраду получали в Зосимовой Пустыни исстрадавшиеся, измученные люди... Того, что о. Алексий сразу узнал меня, ответил первыми же вопросами на мои мысли и столько радости дал своим сочувствием, не удастся объяснить естественным путем".

25. М.И. Карпова, будучи больна инфлюэнцей, отказалась, однако, ради заповеди о. Алексия, пить мышьяк с железом. Тогда шел Петровский пост, а это лекарство требует молока. Инфлюэнца осложнилась бронхитом. Нужен был непременно отпуск. Хотя доктора и дали свидетельство о болезни, однако отпуска тогда давались очень трудно, и М. И., как недавно поступившая, имела очень мало надежды получить отпуск. Если бы ей и дали отпуск, то только на 2 недели, да еще без сохранения содержания. Таким отпуском, конечно, она не могла воспользоваться, т. к. денег у нее не было.

М. И. написала батюшке по поводу тяжелого состояния своего здоровья и начала хлопоты

об отпуске. Вышло неожиданно удачно. И медперсонал фабрики, и контора, и администрация отнеслись с необыкновенно сердечным участием, вниманием, заботливостью и дали отпуск на 6 недель, не в пример прочим, и даже назначили ей содержание более полагающегося. М.И. ставит свою удачу в связь с отказом от скоромного в Петров пост и с молитвой батюшки за нее.

26. Однажды М.И. Карпова, будучи чем-то недовольна в отношении своего московского духовника, которого имела с благословения о. Алексия, хотела пожаловаться о. Алексию на него и даже не прочь была его переменить. Когда она приехала в Пустынь, старец еще до исповеди, идя по храму, мимоходом обратился к ней при всех, грозя пальцем: "Смотри, без особенной причины не меняй духовника". Когда же она пришла на исповедь, он прежде всего спросил: "Ты почему не ходишь к ... духовнику?" Это было сказано так серьезно и строго, что у М. И. не хватило духа жаловаться на него, и она только сказала в свое оправдание: "Он очень серьезный, я его боюсь".

27. Вечер был пасмурный, улицы в то время почти не освещались, и стал накрапывать дождь. Я возвращалась домой, — рассказывает Е. Л. Ч., — идя по мостовой, а не по тротуару: это была маленькая предосторожность, чтобы

ноги мои, обутые в самодельные туфли, связанные из бинтов, поменьше промокли, ступая на булыжники. У меня гвоздем засела мысль и не давала мне покоя: "Что нам взять с собой в дорогу поесть?" — Дело в том, что ввиду голодного времени (1920 г.) Зосимова Пустынь не давала трапезы приезжающим, т. к. и самим-то монахам нечем было питаться. Был уже поздний час, на другой день надо было очень рано подыматься, чтобы поспеть на поезд, и печь что-нибудь на дорогу мне было решительно некогда, да и не из чего. Поневоле мысль о предстоящей поездке гвоздила мне голову, но где-то внутри была надежда, что если Господу угодна эта поездка к батюшке, Он пошлет нам и пищу на дорогу... И вдруг, идя по улице почти ощупью, я наткнулась ногой на какой-то лежащий на мостовой предмет: нагнувшись, я нащупала мокрый мешок с чем-то. Сначала я испугалась. "Уж не бросил ли кто ребенка?" — подумала я, но, преодолев страх, я стала открывать мешок, и первое, что попалось мне под руку, была бутылка с чем-то. Перекрестясь, я подняла мешок и быстро направилась домой. Дома меня ждала вся семья к ужину. Когда я рассказала о своей находке, дети и я стали ее подробно осматривать, и мне показалось, что эта находка мне послана в ответ на мои мысли о еде на дорогу. В мешке была бутылка с молоком, несколько больших деревенских пирогов со свеклой, штук

пять вареных крутых яиц и порядочный кусок черного хлеба. Мы изумились: все было для того, чтобы мы могли быть сытыми в дороге. Не явная ли это была милость Божия ко мне, недостойной?

28. В 1921 году весною, 1 мая, — рассказывает Е. Л. Ч., — я тяжко заболела ползучим воспалением легких. Легкие и всегда-то у меня были слабые, но эта тяжкая болезнь сильно надорвала мое здоровье, и силы мои ослабели. Встав с постели к Духову Дню, я не могла пройти по комнате без того, чтобы не обливаться потом при каждом моем движении. Врач меня мало утешил. Надо было бы ехать в деревню, чтобы подышать вольным воздухом, но об этом мы и мечтать тогда не могли. В это же самое время заболела и Л. Г. У нее появилась опухоль в области печени и были иногда сильные боли, так что она, такая обычно живая и быстрая, вдруг стала едва ходить и по лестнице подымалась с большим трудом. Мой муж решил ее свезти к старцу в Зосимову Пустынь. Поехали туда они 14 июня и попали как раз на торжественную заупокойную всенощную по схимонахе Зосиме, память которого праздновалась 15 июня. Л. Г., придя к старцу, рассказала ему о своей болезни, прося его помолиться за нее. Отец Алексий и сам помолился, и благословил Л. Г. и велел ей поусерднее попросить старца Зосиму

об исцелении, что Л. Г. и исполнила. На другой день после этого она вернулась в Москву веселой и настолько здоровой, что, еще идя быстрыми шагами по нашей лестнице, она стала мне говорить: "Ну, мамаша, теперь вы поезжайте в Зосимову Пустынь, я там совершенно исцелилась — у меня теперь ничего не болит..." И действительно, больше Л. Г. не понадобилась никакая помощь врача — у нее опала опухоль и боли как не бывало.

После болезни своей я была настолько еще слаба и здоровьем, и нервами, что в ответ на слова Л. Г. я только расплакалась и, хорошенько не подумавши, ответила ей, что я сейчас никуда не поеду. Однако Л. Г. продолжала меня уговаривать, и вышло так, что я вскоре после этого разговора, заручившись благословением патриарха, поехала в Пустынь. Никогда я не забуду этой поездки.

Я рассказала старцу о своей тяжелой болезни, которую только что перенесла, и об опасениях врача: ведь у меня были найдены палочки Коха в легких — открытый туберкулез, а между тем, дети все еще были маленькие — Ванечке моему было только 3 года, а Сереже, старшему — 11 лет, мелюзга. Старец очень серьезно отнесся к моему сообщению, тут же встал и, усердно помолившись, благословил мою грудь сначала спереди, а потом сзади и проговорил твердо и властно: "Ты будешь жить, потому что ты нужна и детям, и Толмачам".

Я приняла эти слова с верою, и вот уже 18 лет прошло с тех пор — туберкулеза у меня как не бывало, и не раз приходили ко мне из диспансера убеждаться, что я не только жива, но и совершенно здорова.

VI. БЕСЕДЫ, НАСТАВЛЕНИЯ, ПОУЧЕНИЯ И ИЗРЕЧЕНИЯ СТАРЦА АЛЕКСИЯ

Отец Алексий был мне с детства дорог и близок. Родители мои с шестилетнего возраста возили меня в Зосимову Пустынь. Будучи девочкой и приходя исповедовать свои грехи о. Алексию, я зачастую плакала в его присутствии. Он никогда не спрашивал, почему я плачу, а только говорил: "Плачь, милая, плачь, это значит Христос тебя посещает, а Он нам бесценный Гость".

Покойный батюшка всегда был очень снисходительным к истинно желавшим спасения. Не было греха, которого бы не прощал мгновенно о. Алексий, за исключением греха духовной гордости. "Смирихся, и спасе мя Господь", — говорил о. Алексий. "Знаешь ли ты, — поучал он, — знаешь ли, мне кажется, что люди оттого только и страдают, что не понимают истинного самоотречения во имя Распявшегося нас ради. Помни, где горе, где беда, ты

должна быть первой. Много слез сокрушенного сердца проливает человек, чтобы сделаться способным утешать других о Господе. Нужно идти туда, где туга душевная так мучит человека, что он склоняется на самоубийство. Это нелегкий подвиг; это подвиг, граничащий с истинным распятием собственной греховности, ибо только тот может уврачевать отчаянного, кто сам силою своего духа сможет взять в это время его душевное страдание на себя". "Нет ничего удивительного, что ты страдаешь, — нередко говорил батюшка, — ты должна страдать, чтобы понять страдания других. Терпи, Христос терпел, будучи Безгрешным, поношения от твари, а ты кто такова, чтобы не пострадать? Знаешь ли ты, что душа очищается страданием, знаешь ли, что Христос помнит тебя, если Он посещает тебя скорбями, особенно помнит. Путь жизни всего труднее избрать самому. Нужно при вступлении в жизнь молить Господа, чтобы Он управил твой путь. Он, Всевышний, всякому дает свой крест сообразно со склонностями человеческого сердца. Кто тебе сказал, что Бог наказывает людей за грехи, как принято у нас часто говорить при виде ближнего, впавшего в какую-либо беду или болезнь. Нет, пути Господни неисповедимы, нам, грешным, не надо знать, почему Всесильный Христос допускает на свете часто уму человеческому непостижимые как бы несправедливости. Он знает, что Он делает и для чего. Ученики Христовы

никогда не думали, что Христос даст им счастье в смысле благополучия земного здесь, на земле. Нет, они были счастливы лишь общением духовным со Сладчайшим своим Учителем. Ведь Иисус явился в мир для того, чтобы Своей жизнью утвердить последователей Своих в мысли, что земная жизнь есть непрестанный подвиг. Христос мог избежать страдания Своего, однако Он Сам добровольно пошел на крест. Бог любит особенно тех, кто добровольно идет на страдания Христа ради". "Почему я должна жить не для себя?" — часто спрашивала я о. Алексия. — "Да потому, милая, — говорил покойный батюшка, — что ты только и обретешь мир о Господе, если отдашь себя на служение ближнему".

О. Алексий никогда не спешил со многими из своих посетителей. Он много раз говорил, бывало: "Господи, Господи, едут, едут за столько верст, ведь приезжают ко мне недостойному, ну как их торопить!" Относительно молитвенного правила давал мне всегда один очень определенный ответ: "Твори молитву Иисусову всегда, что бы ты ни делала, если же рассеешься, вздохни перед Господом, и снова, и снова продолжай". — "Страх Божий, вот что потеряли люди, — говаривал батюшка. — Потому и скорбят люди, что думают, что они сами своими силами могут чему-нибудь помочь. Нет, люди готовы умереть духовно, чем поступиться своим самолюбием, своею "благородною", как

они называют, гордостью. Гордость изгнала из рая прегордого Денницу, потерявшего из-за нее свое небесное величие. Думают люди, что вот-вот они достигнут здесь, на земле, благодаря своим личным трудам, земного счастья и благополучия, удивляются и печалятся, если выходит наоборот, забывая, что сам человек ничего не может сделать, если Всевышний не изъявит на то Своей воли. Волос человека не падает с головы без воли Божией, неужели же ты думаешь, что что-либо в жизни целых народов происходит без воли Творца? Нам, правда, часто кажется, что происходит что-то нецелесообразное, что-то прямо несогласное с божественными законами. Да ведь не знаем мы, что из этого произойдет в психологии этих исстрадавшихся ныне, не знаем мы, что быть может Христос и решил очистить всех, всех, — повторял батюшка, — помни — всех, благодаря этим нечеловеческим как бы страданиям. Христос есть предвечная любовь, любовь николиже отпадает, и Христос с небесного Своего престола ни на минуту Своим взором не покидает грешной земли, Он все видит, все допускает, а вот почему Он допускает, нам грешным знать не полезно.

Ты помни одно, что ты христианка, и с этой точки зрения всегда и поступай в жизни. Долг христианки какой? Долг христианки исповедовать Христа безбоязненно и никогда ни в чем не поступаться своею христианскою совестью.

Вот я, — говорил про себя о. Алексий, — думал ли я, что мне придется утешать стольких людей, мне, когда я и теперь зачастую чувствую, что я сам немощен и телесно, и духовно, а тут стольких немощных беру на свою ответственность. Ведь я на поруки как бы перед Богом беру вверяющихся мне людей, ведь ответ дам за них перед престолом Божиим. Ведь это не шутка, милая, взять на себя под свою ответственность пред Всевышним сотни людей, вверяющихся духовному руководству. Многие думают — ну что за важность советовать то или иное? Да ведь знаешь ли ты, что мне Христос полагает на сердце дать тот или иной ответ, ведь я сам, как говорится, в себе не волен. Лучше совсем не спрашивать совета старца, чем не исполнять его совета. Враг Божий только и ждет, чтобы за непослушание человека Божьему через старца совету опутать несчастного своими сетями".

"Всех, всех Христос пришел спасти", — говаривал мне всегда батюшка, когда я выражала ему свою скорбь за знаемых мне неверующих в Бога людей. "Так и помни, — сказал он мне как-то раз особенно дерзновенно, — помни, что ты сама только потому веруешь в Бога, что вера тебе Им дана — вера ведь дар Божий. Нельзя никого судить за то, что он не может верить в Бога, так как это бывает зачастую промыслительно. Христос может сделать чудо мгновенно. Он может в один миг сделать из

гонителя ревнителя. Апостол Павел из величайшего из гонителей сделался ревностнейшим проповедником Христовой истины. Но велико, велико дело исповедничества Христовой истины, кому это, конечно, Им дано. "Всяк иже исповесть Мя пред человеки, — исповем Его и Аз пред Ангелы Божиими". Есть два вида мученичества. Мученичество явное, открытое — это когда физически мучают человека, распинают, четвертуют, вообще подвергают каким-либо физическим страданиям за имя Христово — это наши первые мученики. А есть и теперь мученики, которые добровольно сами распинают свою плоть со всеми ее страстями и похотями. Вот наши, хотя бы для примера, ближайшие угодники Божии: Серафим Саровский, Сергий Радонежский, да и старцы, не прославленные еще открыто Церковью — Амвросий Оптинский, Иоанн Кронштадтский. Ведь эти последние два жили еще так недавно, жили среди нас, а разве все, все оценили их по заслугам?

Были люди, которые ценили, а были, которые и порицали их. И так было и будет во все времена и лета, и никогда не надо удивляться или негодовать на это, ибо и это происходит по воле Божьей".

Я часто скорбела, что я живу совершенно не так, как мне хотелось бы, что я живу, как мне казалось, совершенно не жизнью духа, что жизнь заставляет меня все время лишь думать о куске насущного хлеба. Батюшка всегда лишь

улыбался на мои заявления и говорил: "Вот и скорби, скорби, только так и очистишься". — "Да как же я очищусь, батюшка, когда я все больше погрязаю?". — "Ну, ну, погрязнешь и вылезешь, а то, знаешь, бывает и наоборот, вылезает, а вдруг и погрязнет, не спеши вылезать, так-то вернее будет, а тебе нужно узнать всю изнанку жизни, хоть ты и нежный цветочек. Не бойся грязи, грязи видимой в человеке, значит, он спасен, когда вся грязь наружу, т.е. когда духовная грязь в нем уже заметна, этим он искупает вполне свое недостоинство, а вот надо бояться той грязи, до которой трудно докопаться, той грязи, которая гнездится в таких тайниках нашего сердца, где никакая человеческая помощь не сможет заставить ее обнаружиться во всей ее закоснелости, где может помочь лишь десница Божья".

* *
*

Приезжай к нам в Великий Четверг: все чудные службы проведешь у нас; останутся они у тебя в памяти, в Четверг пособоруешься. У нас, как и в Успенском соборе, в этот день соборуют и мирян. В Светлую Заутреню стань ближе к Зосимовой Пустыни, познакомься с ней, с ее духом. Читай утром и вечером молитвы по молитвослову, затем можно, по усердию, и

каноны: Спасителю, Божьей Матери, Ангелу Хранителю, а потом акафисты разные — какие захочется. Нужно непременно ежедневно, в течение 10 мин. (это пока), без счета, чтобы это не было машинально, читать молитву Иисусову, не скорым галопом, а с размышлением. Когда приедешь в следующий раз, тогда скажу тебе: увеличить ли время на это до 1 часа или нет. Во время молитвы Иисусовой можно класть поклоны, можно и не класть. Самое главное — это молитва. Большого правила на тебя не возлагаю, потому что, когда ты получишь начальство в монастыре, то кто знает, успеешь ли ты все выполнить? Годишься ли ты... Если ты только заметишь, что в монастыре не строго, не все по монашескому строю совершается, то, говорю тебе, не поступай в такой монастырь (речь шла о Иоанновом монастыре), в другом месте можно, а о. Иоанн Кронштадтский везде-везде тебя сохранит.* Хорошо, если ты будешь по своей матери читать псалтирь, по усердию, сколько возможно, только помни, что есть там особая молитва при каждой кафизме. Если ты не понимаешь, что читаешь из Св. Евангелия, то советую тебе: день читать по-русски, день по-славянски, а спустя месяц, вот 5-го числа,

* Отец Иоанн Кронштадтский был крестным отцом А. Г., когда она переходила из лютеранства в православие.

начни снова с того Евангелия, с той же главы, скажем, с 3-й, но теперь уже или по-русски, или по-славянски, и таким образом из месяца в месяц.

Надо непременно читать авву Дорофея и св. Иоанна Лествичника. Еще и еще читай. Одно всегда помни: буду ли я твоим духовным отцом или другой, помоложе — имей к нему полное доверие, иначе ничего не выйдет для спасения твоей души. Доверие к старцу или к духовнику необходимо, но враг будет всячески смущать и постарается тебя от меня отбивать, и даже ты можешь меня возненавидеть...

Те, которые поступают в монастырь, непременно будут обуреваемы известной страстью (блудной). Очень часто, правда, так бывает, но этим не нужно смущаться и этого бояться — нужно только тотчас прибегать к старцу или духовнику. Те, которые до 40 лет были свободны от этой страсти, после 40 вдруг бывали ею обуреваемы. Особенно это бывает с теми, которые гордились своим целомудрием, смеялись над теми, которые были под гнетом врага и не жалели о них, не молили о них. Я, как твой духовник, зная уклад твоей души, не советую тебе выходить замуж, чтобы страсти не поднялись.

Держись духовника, он никогда тебе не даст впасть в неверие, будет тебя пробуждать. Только крепко держись и все ему рассказывай.

Избрала ли меня или другого — всегда обо всем советуйся с духовником.

Понуждай себя к милосердию, к добру для ближних — это своего рода подвиг — нужно помогать нуждающимся, развивать в себе жалость и любовь.

Однажды я пришел к старцу, а он начал мне говорить, что такое старчество. ”Преподобные отцы, живя в пустыне, говорят про себя так: в продолжение седмицы диавол жжет нас своим змеиным ядом, а мы в субботу и воскресенье прибегаем на источники водные, исповедуясь у своих старцев и причащаясь Св. Тайн, этим мы избавляемся от змеиного яда”. И мы, живя в Зосимовой Пустыни, когда теряли душевный мир, приходили к старцу о. Алексию и открывали ему свою душу. Старец говорил нам, что мир душевный теряется больше всего от осуждения ближних и от недовольства своей жизнью. Когда мы начинали о ком-нибудь говорить с осуждением, старец нас останавливал, говоря: ”Нам до других дела нет, говори только свое. Правила св. отцов предписывают останавливать исповедующихся, когда они говорят о других. И мы, придерживаясь этого правила, строго следили за собой, чтобы не сказать какое-либо слово о других. ”Кто любит говорить про других, — наставлял старец, — про того и люди много говорят”. Старец еще учил нас: ”Когда душа

обвинит себя во всем, тогда возлюбит ее Бог, а когда возлюбил ее Бог, тогда — что еще нам нужно?" После исповеди и прочтения над нами разрешительной молитвы у нас опять возвращалась жажда духовной жизни и мир в душе водворялся.

Отец Алексий говорил нам: "Хотя Господь во ад меня пошлет за мои грехи, но я все-таки буду благодарить Его всегда за то, что я монах". Он и в миру еще читал и любил св. отцов и был как бы ненасытен в монашеских подвигах.

Глубина смирения о. Алексия была так велика, что он при всякой своей ошибке сознавал ее, каялся и просил прощения. Раз я пришел к нему днем. Он беседовал с каким-то студентом академии. Отец Макарий, келейник, только что вычистил самовар, налил его водой, разжег и говорит: "Я пойду за водой в часовню, а вы, батюшка, смотрите, чтобы самовар не ушел". Отец Алексий во время разговора со студентом забыл про самовар; тот от сильного кипения весь залился водой. Отец Макарий, вернувшись с водою, увидел, что все его труды даром пропали, и, обратившись к о. Алексию, с укором сказал ему: "Батюшка, и это вы не могли исполнить! Теперь все мои труды пропали, а я полдня чистил самовар!" Отец Алексий упал в ноги о. Макарию и стал просить прощения: "Простите меня, о. Макарий, я нехорошо сделал". Но о. Макарий еще долго брюзжал, все жалел свои труды. В другой раз

я прихожу к о. Алексию, когда он был болен; сделав три поклона, я его поцеловал, а он и говорит: ”Стоит ли целовать сегодня? Мне бы нужно все лицо разбить”. А я говорю: ”Батюшка, да за что же?” — ”За то, что я перед Богом сказал дурное слово”.

Отец Макарий не старался выводить клопов, которые размножились в батюшкиной постели. Однажды о. Алексий крикнул о. Макарию: ”Отец Макарий, идите сюда!” Тот явился. ”Возьмите этого клопа, он мне все руки объел”. Отец Макарий взял клопа и говорит: ”Куда мне его деть?” — ”Только не убивай, а выбрось его в окно!” Отец Макарий хотел выбросить его в окно, а батюшка и говорит: ”Как вы жестоко поступаете! В такой мороз, куда теперь он денется? Преп. Исаак Сирин говорит, что монаху надо иметь сострадание ко всей твари, начиная с блохи”. Отец Макарий заворчал: ”Ну вот, я и над клопом не имею власти!”

Когда о. Алексию приносили подарки, он отдавал их другим и сам ими не пользовался. Раз, идя на послушание, встретился я с отцом Алексием: он разговаривал с женщиной, которая принесла ему узелок гостинцев. Она говорила: ”Примите, батюшка, это от меня и кушайте на здоровье, это я для вас принесла”. Отец Алексий, увидя меня, отдал узелок и говорит женщине: ”У нас пища хорошая в монастыре, я сыт, а вот рабочие имеют нужду в гостинцах”. Женщина смутилась. ”Батюшка, ведь я это для

вас принесла, а вы отдаете". Отец Алексий говорит: "Вы принесли мне, я и принял от вас с благодарностью, но я хочу отдать другому, который имеет в этом нужду". Не знаю, чем кончился разговор, так как я узелок взял и унес к себе.

Высоко ставя послушание и сам во всем слушаясь своего духовника, о. Алексий и учеников своих учил этой добродетели. Идя однажды на послушание, встретился я с одним из учеников батюшки, студентом академии о. Игнатием Садковским,* который катил маленькую двухведерную бочку. Сам он был очень высокого роста, а бочка-то маленькая, подпрыгивала и перевертывалась. Ему поэтому приходилось ежеминутно нагибаться и подталкивать бочку. Я ему и говорю: "Вы бы ее, отец Игнатий, взяли на плечо да и несли бы". А он отвечает: "Меня благословили катить". Один духовный сын о. Алексия приехал в Зосимову Пустынь поговеть Великим постом на первой неделе. Он стал ходить неопустительно по всем службам. А службы там были уставные, долгие. В то время огонь в монастырской кухне не зажигался и ничего варить для братии первые дни не полагалось. Со временем он начал изнемогать и слабеть. Наконец, не выдержав подвига, он бросился к отцу Алексию: "Батюшка, не могу больше без пищи, благословите что-нибудь съесть!" — взмолился он. А тот со

---

* Умер мученической смертью в 1938 г.

свойственной ему мудростью ответил: "Как же ты просишь меня, твоего старца, благословить тебя нарушить устав той обители, в которой он живет? Другое было бы дело, если бы ты, не могший дольше терпеть, сам что-нибудь съел и потом пришел ко мне просить прощения". Не получив благословения нарушить пост, молодой человек ушел от о. Алексия, но не смог больше поститься, раздобыл где-то соленый огурец и кусок черного хлеба, съел их и затем пришел к старцу с повинной головой. Конечно, тот отпустил ему его грех с любовью. Сам же старец всегда вкушал то, что давали всем на трапезе, а когда очень уставал от исповедников, то выпивал чашку крепкого чая, и это его подкрепляло.

Раз я иду из своей кельи — в саду стоит старец, а в руках держит небольшой камень. Взял я у него благословение и говорю: "Зачем это у вас, батюшка, камень в руках?" Отец Алексий отвечает: "Это я взял на дороге, камень-то острый, а тут многие ходят босыми ногами, могут ноги ушибить, надо его отнести куда-нибудь подальше". Я попросил камень у батюшки и отнес его в сторону.

• Я, — говорил старец, — миниатюра оптинских старцев, как и сама Зосимова Пустынь. Оптинские уже привыкли обращаться с народом.

• Монах должен знать два слова: "простите и благословите". Ему надо заучить наизусть

стихиру 7-го гласа: "Виждь твоя пребеззаконная дела, о душе моя, и почудися како тя земля носит, како не расседеся, како дивие зверие не снедают тебе; како же и солнце не заходимое сияти тебе не преста; восстани, покайся и возопий ко Господу: согреших Ти, согреших, помилуй мя" (неделя вечера).

• Когда слушаешь колокольный звон на улице, он разлетается и разбивается о разные встречные предметы; иногда же его восприятию мешает какой-либо треск, визг или писк. Напротив, когда сидишь в четырех стенах, то этот же звон слышишь очень явственно, ибо стены его ограждают, не дают ему разлетаться. Точно так же небесные звезды бывают видны только вечером, днем же их не видно. Если ты спустишься в глубину земли (например, в колодец), то оттуда увидишь много звезд, которых ты раньше не видал. Так точно и человек, — если более приобучает себя молитве Иисусовой, то эта молитва делается ограждением для его ума, не дает ему развлекаться соседними лицами, предметами; помогает ему схватывать слова церковного пения и чтения и вообще помогает ему более внимательно стоять церковную службу. Но это относится не к начинающим делателям молитвы Иисусовой, а только к тем, которые привыкли к этой молитве.

• Молитву Иисусову когда творишь, заключай ум в слова молитвы, т.е. молись со вниманием. Молитву Иисусову лучше

ограничивать во времени (например, 15-20 минут), нежели количеством: в этом случае произносишь молитву более неторопливо и более внимательно. Это правило пусть, как урок, творится постоянно, кроме дней праздничных двунадесятых.

• При ежедневном чтении Евангелия и Апостола — лучше читать из того и из другого по одной главе в день. В Пасху и двунадесятые праздники Псалтирь оставляется и читается только Евангелие и Апостол.

• Псалтирь в келии лучше читать стоя, нежели сидя, несмотря на то, что в церкви кафизмы Псалтири выслушиваются сидя; келейное чтение Псалтири есть молитвенный труд. (Если в церкви и сидят во время кафизм, то ради седален, читаемых после кафизм, а не ради самих кафизм).

• Евангелие непременно надо читать стоя. Апостола можно и сидя и стоя, но лучше стоя. Мирянину, желающему познакомиться с духовной жизнью, лучше всего сначала прочитать книгу еп. Феофана "Что есть духовная жизнь". Эта книга представляет из себя как бы ворота в духовную жизнь.

• Писания оптинских старцев ближе к сердцу, чем писания еп. Феофана Затворника. У него много схоластической, школьной учености (рубрики, подразделения). У оптинских старцев более опытности, вследствие их долгого постоянного упражнения с окормляемыми.

Вообще, живая сердечная вера скорее и глубже схватывает предмет, чем рассудочное изучение его или оперирование над ним с докторским ланцетом.

• Из оптинских старцев более серьезен и полезен для монахов о. Макарий Оптинский. У него все сводится к смирению и самоукорению. Нет письма, где бы не говорилось о смирении. Как масло в кашу, он всюду подливает самоукорение.

• Оптинские старцы оттеняют одну черту в таинстве елеосвящения, именно — оно облегчает хождение по мытарствам.

• Протоиерей Глаголев (настоятель Николо-Покровской церкви, дядя по жене о. Алексия и его крестный отец) говорил: "Сначала исполни то, что указано Церковью, а потом, как хочешь, потом можно и полиберальничать".

• Схима есть завершение монашества. Манатейное монашество есть только "обручение ангельского образа", а схима — самый "ангельский образ". Вот почему древняя практика не знала манатейного монашества, а только схиму. Манатейное монашество введено уже позднее, как послабление первоначальной строгости монашеской жизни. На Афоне и теперь схима почитается чуть ли не обязательной для каждого монаха: перед концом жизни каждый должен принять схиму. Смотрят очень строго за тем, чтобы ее не принимали рано. Преп. Серафим Саровский и преосв. Феофан Затворник

совсем не приняли схимы. Значит, они почему-то не сочли схиму для себя нужной. Схима есть повторение и усугубление монашеских обетов: человек чувствует, что он доселе как следует не исполнял монашеских обетов, раскаивается в этом и снова пред всею Церковью их произносит, надеясь с помощью Божьей их исполнить. В схимничестве усугубляется молитвенное правило.

• При исповеди, особенно женщин и молодых девушек, не следует смотреть им в лицо, а лучше смотреть в профиль или на икону, ибо зрение, по словам свв. отцов, есть сильный проводник блудной страсти.

• Старец говорил, что надо молиться против нервности — Борису и Глебу; против порока пьянства — св. мученику Вонифатию; против блудной страсти — прежде всего нужно молиться Господу Богу, Божьей Матери, Ангелу Хранителю, своему святому и затем препод. Иоанну многострадальному, преп. Моисею Угрину, преп. Мартимиану, преп. Марии Египетской, св. муч. Фомаиде, ап. Иоанну Богослову (девственнику) и всем святым.

• О св. причащении батюшка еще говорил так: "Плоды св. причащения: здоровье души и тела, мир душевный, какая-то радость духовная, легкое отношение к внешним скорбям и болезням. Бывает, например, так: больной, причастившись Св.Таин, говорит: "Если бы я долго не причащался, я давно умер бы".

• Эти плоды действуют, если мы не оскорбляем святыню. Если же оскорбляем ее, то в тот же день причащения она перестает действовать. А оскорбляем мы святыню чем? Зрением (зрение, по словам святых отцов, — опасный проводник блудной страсти); слухом и другими чувствами; многословием и осуждением. Посему в день причащения надо преимущественно хранить зрение и больше молчать, "держать язык за зубами".

• Если мы не получили плодов после св. причащения, надо раскаиваться, смирять себя, считать себя недостойным этих плодов: быть может и недостойно причастился? Рассеялся во время службы, — ведь можно рассеяться не только блудными, а и другими посторонними мыслями. Отчаиваться же и скорбеть, что я не получил плодов св. причащения, не нужно. Иначе св. причащение будет для нас талисман какой-то. Такое отношение к причащению — своекорыстие.

• Если кто батюшку спрашивал о чтении молитв: нужно ли то-то вычитывать, или можно пропустить, — то он иногда так отвечал: "Лучше перемолиться, чем недомолиться". И кажется, это он не от себя говорил, а ссылаясь на кого-то, так говорящего.

• За новопреставленного полагается утром и вечером делать по 12 поясных поклонов. Один брат сказал батюшке: "Вот я по несколько дней забываю сделать эти поклоны, а потом

уж зараз поклонов 100 и сделаю с таким расчетом, чтобы пополнить пропущенное. Можно ли так и впредь делать?" Батюшка сказал: "Хорошо все делать, когда полагается, в свое время".

• Об осуждении о. Алексий как-то сказал: "Осуждаем, детынька, оттого, что за собою не смотрим и себя наперед не осуждаем. Не осуждай никого, не клевещи и не давай неправильных советов ближним, ну, а если тебе придется сделать это, то спеши исправить зло. Скажи, что ты неправильно сказала, предупреди, извинись письмом, наконец, если сама не можешь увидеть их, а то, знаешь, много неприятностей от этого бывает".

• О гордости и помыслах тщеславия старец говорил следующее: "Гордиться нам нечем, ведь если и есть что хорошее в нас, то не наше, а Божье. Нашего ничего нет. Когда тебе придет в голову помысл гордый и тщеславный о себе, так ты вот что делай: гони его сию же минуту и говори прямо вслух, если одна: "Знаю я, какая я хорошая, а это кто сделал, а это кто сделал?" — и начни перебирать свои грехи — помысел и отойдет.

• О тайне исповеди старец часто говорил так: "Будь покойна, детынька, старческая душа — это могила, что слышала она, то и похоронила в себе навеки и никому того не отдаст. Не надо и тебе другим рассказывать про исповедь. Зачем? Исповедь — это тайна

твоя и духовника. Мало ли что может духовник сказать тебе на исповеди, что сказать-то другим неудобно?"

• Жалующиеся на свою тяжелую жизнь и на множество недостатков и грехов слышали от него следующие слова: "Не ропщи, детынька, не надо, если бы Господь забыл тебя, или не был к тебе милостив, то жива-то не была бы; только ты не видишь Его милостей, потому что хочешь своего и молишься о своем, а Господь знает, что тебе лучше и полезнее. Молись всегда, конечно, об избавлении тебя от скорбей и от грехов твоих, но под конец молитвы всегда добавляй, говори Господу: "Обаче, Господи, да будет воля Твоя".

• Как-то сказала я старцу о том, что пою и читаю в церкви, но что это меня рассеивает в молитве и в смиренных чувствах: во время пения и чтения смущают помыслы тщеславия и теряешь спокойствие совести. На это батюшка мне ответил: "Читай и пой в церкви, на это я тебя очень и очень благословляю. Я очень желал бы, чтобы ты принимала в службах деятельное участие. А насчет помыслов я тебе вот что скажу: перед тем, как выйти читать, вспомни обо мне, детынька, вспомни, что далеко-далеко в пустыньке есть у тебя старичок о. Алексий, и скажи про себя: "Господи, молитвами отца моего духовного старца иеросхимонаха Алексия помоги мне". И посмотри, как будешь читать, все помыслы отойдут".

• О помыслах нечистых и хульных и о борьбе с ними старец постоянно говорил так: "Все помыслы такие отгоняй молитвой Иисусовой, а когда они очень уж будут докучать тебе, то ты, незаметно для других, плюнь на них и на диавола, тебя смущающего. Ведь вот, когда при крещении христианин сочетается со Христом, он и на диавола и на дела его и дует, и плюет — так и ты делай!"

• О чтении духовных книг и Св. Евангелия старец говорил мне: "Не ленись читать Слово Божие и духовные книги. Слово Божие поддержит и укрепит тебя в Истине". В первую очередь он советовал читать следующие: Авву Дорофея, Иоанна Лествичника и Иоанна Кронштадтского.

• Часто жаловалась я старцу на то, что не могу держать постов из-за домашних условий. Много неприятностей у меня из-за этого выходило и поститься не было никакой возможности — это значило: ничего не есть. На все мои просьбы разрешить мне не поститься старец говорил решительно и твердо: "Не могу, детынька, не могу я тебя на это благословить: я — монах, и пост положен у нас в уставе. Смотри сама, молись, Бог видит условия твоей жизни. Только на исповеди не забывай каяться в нарушении постных дней".

• Поведала я старцу как-то и о своих смущениях, возникших у меня в душе из-за

некоторых непонятых мною поступков духовного отца. На это старец очень внушительным и строгим тоном сказал мне: "От раз избранного духовного отца не уходи по причинам, выдуманным тобою. Знай, что диавол любит отводить нас от того, кто наиболее может быть нам полезен! Не слушай его внушений, если он будет шептать тебе, что духовный отец невнимателен де к тебе, он де холоден с тобою и не хочет иметь тебя около себя. Кричи прямо вслух ему в ответ: "Не слушаю тебя, враг, это все неправда, я люблю и уважаю отца моего духовного".

• Спрашивала я как-то о музыке и танцах старца: "Можно ли играть на рояле и танцевать?" Батюшка сказал мне так: "Играть на рояле благословляю тебя только классические вещи, например, Бетховена, Шопена и др. Есть и легкие вещички некоторые хорошие, но вообще легкая музыка служит только страстям человеческим, там, знаешь, и аккорды-то все страстные"... "Ну а танцы, — продолжал батюшка, — это совсем дело бесовское, унижающее достоинство человека. Знаешь, я как-то, когда был еще в миру, смотрел раз из своего окна и увидел напротив в окне бал. Так мне со стороны смешно даже смотреть было — кривляются люди, прыгают, ну точь-точь, как блохи".

• "Батюшка, — сказала я как-то старцу на исповеди, — я очень жестокая, не умею жалеть несчастных и больных людей". На это старец

ответил мне: "Надо быть милостивой, детынька, "блаженни милостивии, яко тии помиловани будут". Главное же милуй души согрешающих ближних, потому что больных и страждущих душою надо больше жалеть, чем больных и страждущих телом. Милуй и не причиняй страданий даже животным, потому что и о них в писаниях сказано: "блажен, иже и скоты милует".

• О подвигах духовных и работе над собою батюшка говорил так: "Не вдавайся очень в подвиги и желания через меру, выше твоих сил, — можешь легко погибнуть. Иди средним путем. Средний путь — царский. Нет цены умеренному деланию.

• Когда на молитве ты вдруг заплачешь, если вспомнишь, что кто-то тебя обидел или на тебя гневался, — эти слезы не в пользу душе. Вообще нужно подавлять слезы, чтобы не превозноситься, что "вот я какая — уже молюсь со слезами!" Если будешь думать о своих грехах и читать покаянные молитвы — это спасительно. Вообще же знай, что враг всегда настороже, всегда за тобой следит, смотрит на выражение твоего лица, твоих глаз, и старается уловить твою слабую сторону, слабую струнку, гордость ли, тщеславие ли, уныние.

• Святые отцы учат, что на хульные помыслы совсем не следует обращать внимания — сами тогда отскочат. Нужно только сказать врагу: "Это не моя мысль, а твоя, навеянная". Если

он возразит — нет, твоя, то ответь ему: "Мой духовник мне приказал так говорить" — и тотчас враг отбежит от тебя.

• Светские люди всегда удивляются, что мы, монахи, видим злых духов, а они — никогда. Нет ничего удивительного, ибо они находятся во власти злых духов, и они их оставляют в покое, монахов же не оставляют в покое, потому что они борются с ними и им не поддаются.

• Против скуки, уныния есть несколько средств: молитва, дело, поделье и, наконец, завернуть себя в мантию и уснуть. Когда на монаха надевают мантию, тогда начинается борьба сатаны с ним.

• Вот, может быть, ты будешь когда-нибудь монахиней-игуменьей. Я всегда о тебе молюсь. Если тебя будут пугать, что будто ты заразилась от мамы (раком), то отвечай так: "Кого я оставлю: мужа или детей? Ведь от смерти не уйти, ближе буду к Царству Небесному, к соединению моему с мамой и с моим родителем. Чего бояться страдания?!"

• Отца твоего (лютеранина) нельзя поминать во время церковных служб: ты уж по нем не заказывай парастаса и заупокойных служб. Я тебе дам молитву, составленную о. Леонидом Оптинским, которая как раз подходяща для твоего отца, и молись по нем. Благословляю тебя с сегодняшнего дня начать молиться о твоем отце по этой молитве. Еще при жизни

о. Леонида были извещения о пользе этой молитвы". Старец вручил следующую молитву: "Помилуй, Господи, аще возможно есть, раба Твоего (имя), отшедшего в жизнь вечную в отступлении от Святой Твоей Православной Церкви. Неисследимы судьбы Твои. Не постави мне в грех сей молитвы моей, но да будет святая воля Твоя".

• Когда во время Херувимской, или в другие важные минуты, приходят в голову разные житейские мысли, нужно тотчас прибегать к Иисусовой молитве. Твори крестное знамение и произноси молитву Иисусову немного вслух про себя, это очень поможет тебе не блуждать мыслями. Нужно собрать мысли и молиться со вниманием и умилением. Иисусову молитву должно творить с великим вниманием и с покаянным чувством, с ударением на слова: "помилуй мя грешную". С сердечным сокрушением и с детским доверием следует ею молиться, и Господь за такое доверие пошлет умиление, и ощутишь плод великий от такой молитвы. Понуждай себя. На исповеди нужно открываться не только в дурных помыслах, но также и в хороших. Итак, если не будешь себя понуждать к молитве, то заглохнет в тебе молитвенный порыв. Сначала трудно, а затем как бы от себя потечет внутренняя молитва, но все же принуждать себя надо непременно.

Сознание, что ты духовно не подвигаешься вперед, да послужит тебе для самоукорения.

Смирять себя надо. Нужно наедине громко, с покаянным чувством молиться Иисусовой молитвой. Не запускай же ее.

Ты говоришь, что нет памяти смертной. Вот и смиряйся и кайся в этом. Одно крыло — смирение, другое — самоукорение с терпением. Ты еще должна каяться в том, что у тебя нет должного чувства благоговения к святейшему патриарху и к его сану. Столько благодати излилось на него при его посвящении. Без умиления нельзя было стоять при его посвящении".

Я рассказала старцу свой сон: будто он ко мне подошел (я лежала), благословил двумя руками и тихо удалился, произнося следующие слова: "С самоукорением и с молитвой". Старец мне ответил: "Да, эти слова знаменательны. Помнишь, что старец Амвросий велел молчать и не рассказывать своих снов о нем?" — И старец погрозил пальцем. "Будешь верить в Промысл Божий, поручишься ему и обрящешь великий мир. Только тогда будешь всегда спокойна. Что бы ни случилось с тобой, никогда никого не вини, кроме самой себя. За все неприятности и невзгоды благодари Бога. Старец о. игумен говорил: "У кого больше смирения, тот больше преуспеет в Иисусовой молитве. Если вас прервали по делу, то потом снова начинайте ее, и так всегда. Господь, конечно, видит ваше желание — соединиться с Ним в молитве".

Я спросила старца, не грешна ли следующая моя мысль, что когда я приобщаюсь Св. Таин, то я тоже теснейшим образом соединяюсь с Божьей Матерью. Старец ответил: "Твоя мысль не еретическая, но лучше совсем не думать о таких вопросах, иначе додумаешься до ненужного и можно даже дойти до сумасшествия. Достаточно думать только о Спасителе и сознательно приобщаться Тела и Крови Христа".

В 1918 году старец говорил о современном положении Православной Церкви, о патриархе и о том, что теперь настало "время исповедничества".

Если ты и идешь утром в храм, то все равно полагается читать утренние молитвы. Нужно их прочесть дома, разве только по болезни опустить или если проспишь время.

В первый год моей замужней жизни у меня было такое искушение: ежедневно, за вечерним правилом, которое мы с моим мужем всегда читали вслух, начинали смущать меня помыслы о том, что завтра приготовить к обеду, и до такой степени было сильно это искушение, что я совершенно не могла молиться и очень этим мучилась. При первой возможности я пожаловалась об этом старцу и получила от него мудрый совет: "Чтобы не было у вас подобных искушений, — ответил он, — я советую вам

каждое воскресенье вечером сесть с вашим И. Н. за столик, взять бумажку и расписать на всю будущую неделю меню обедов. Вы тогда будете покойны, и думать об этом каждый день вам не нужно будет". Я глубоко была благодарна за этот совет, в то же время мы им воспользовались, и искушения как не бывало. Кроме того, составлять расписание обедов нам доставляло даже удовольствие.

Как-то я спросила батюшку: "Нужно ли мне кланяться первой всем знакомым, которые встречаются, будь они старше или моложе меня?" Батюшка велел всегда и всем кланяться первой. Так и сам старец всю свою жизнь ко всем внимателен и первый всем кланялся.

Когда я спросила батюшку, сколько часов полагается спать, он ответил: "Монаху — 6 часов, а мирянину здоровому — 7, больному же — 8 часов".

Если по приказанию врача приходилось так или иначе нарушать пост, батюшка велел все равно себя окаявать и молиться так: "Господи, прости меня, что я, по предписанию врача, по своей немощи нарушила святой пост", а не думать, что это как будто так и нужно. "Смирять себя нужно".

Однажды, напутствуя свою духовную дочь в монастырь, старец ее так учил: "Надо прежде всего учиться на всякое обвинение тебе говорить "простите", хотя бы ты и была в этот

раз невинна. "Простите", говори. Подруга за тебя захочет заступиться, скажет: "Ведь это не ты разбила, зачем же ты просишь прощения?" — А ты и скажи: "В этот раз я не била стекла, но, вероятно, я когда-нибудь в своей жизни делала какие-нибудь ошибки и портила что-нибудь, а наказание за это не терпела — ну пусть я за то теперь потерплю".

Отец Алексий так наставлял, бывало, монахинь: "Игумения — наместница Господа Бога, ей свято повинуйтесь. Знаете ли, что такое послушание? Оно паче поста и молитвы; не только отказываться, а бегом бежать на него надо".

Помню, я однажды сказала отцу Алексию с горечью, что не чувствую в себе теплоты сердечной и любви к Божьей Матери. Он мне так ответил: "Вот, когда будешь растить детей, и будешь прибегать с молитвой к Божьей Матери, тогда у тебя и чувства к Ней явятся". Много раз вспоминала я после эти слова батюшки и убеждалась в их истинности.

• Нужно себя принуждать, понуждать исполнять церковные уставы, молиться. Прошу тебя, молю — понуждай себя: сначала будет трудно, но потом станет легко, так что часами простоишь на молитве. Сладость от этого ощутишь. Ты ведь живешь, как полумонахиня, ты и должна молиться — непременно себя понуждай. Видимо, ты принадлежишь к числу таких людей, которые не могут молиться

в горизонтальном положении, но есть и такие, которые могут так молиться. Если нет времени, читай половину правила, или сколько сможешь, но только всегда с благоговейным чувством, иначе ты только прогневаешь Бога своей недостойной молитвой. Помолись Господу, чтобы он помог тебе творить молитву Иисусову. Ее нужно творить беспрестанно. Я знаю одного человека, простого, необразованного (одного фабриканта), которого Господь сподобил такой благодати, что каждый раз, как он становится на молитву, — он проливает потоки слез.

• Нет у тебя духа исповедничества, за это тебе будет трудно умирать. Тяжело будет отвечать перед Богом, которого ты не исповедовала открыто при жизни своей, а только тайно, боясь насмешек. Ты стыдилась отвечать неверующим, открыто исповедовать свою веру. Всегда, при всяком обстоятельстве, можно говорить о Боге. Например, ученики тебе скажут: "Нам не удается такая-то арифметическая задача", — а ты в ответ: "Ничего с Божьей помощью одолеете ее. Молитесь Богу усерднее" и т. д. На каждом шагу можешь так поступить.

• Если мы не молимся и не призываем нашего Ангела Хранителя себе на помощь, то мы этим оскорбляем Бога, Который нам с первого дня нашего рождения приставил его как хранителя нашей души и тела.

Монашество — это подвиг (борьба), а не отдых и спокойствие, монастырь — это не гостиница, нельзя переходить с места на место. Нашу волю мы передаем другому лицу — в лице начальника монастыря, а он уже за нас отвечает. Если дадут подзатыльник, скажи: "Спаси Господи"; если привратница сделает замечание — смолчи; если настоятельница побранит — молчи, радуйся, благодари. А кто передает сплетни, того нельзя назвать монахиней, а "болтушкой". Кто хочет поступить в монастырь, тот должен совершенно отречься от себя, смириться и быть готовым идти на всякие скорби и нести духовные подвиги, ибо монастырь и есть место духовных подвигов. Это не моя мысль, а так говорят святые отцы.

Батюшка сказал (1918 г.): "Теперь не время основывать новые монастыри: того и гляди, что скоро закроют и старые-то обители. Еще Давид сказал: "Рече безумен в сердце своем: несть Бог", — он сказал "в сердце", а теперь люди об этом кричат и учат". Жаловалась я как-то старцу, что трудно мне дается молитва. "Нужно стараться согревать в себе чувство раскаяния, сердечного покаяния перед Богом. Не нужно прибегать ни к каким приемам, а просто только развивать в себе чувство глубокого, искреннего покаяния. Мало-помалу преуспеешь и тогда почувствуешь великую сладость от этой молитвы".

VII. МОЛИТВЫ СТАРЦА АЛЕКСИЯ

Молитва в минуту особого умиления

Господи, не погуби мене со беззаконьями моими. Подаждь ми успешную борьбу со страстьми моими. Ими же веси судьбами, спаси мя. Да будет земное пребывание мое в истинном смирении и чистоте, не во вред и тягость мне и людям Твоим, но на общую святую пользу к снисканию спасения вечного, в славу Твою, Боже, Благодетелю мой, Спасителю мой.

Молитва в предчувствии кончины

Господи, мой Господи! Прими смиренное сие моление мое. Избави мя от внезапной смерти. Но перед наступлением кончины моея, ради очищения множества грехов моих, ради принесения истинного покаяния и напутствия Святыми Таинствами, ради христианского

перехода в жизнь вечную блаженную в мире душевном, — сподоби мя, Преблагий Господи, потерпеть болезнь предсмертную без непосильных страданий, без ропота, с благодарностью. Сподоби и окружающих мя разумно и во благодушии послужити мне при одре моей болезни во имя Твое, и через сие святое дело обрести себе благоволение Твое и вечное спасение. Ты бо еси хотяй всем спастися, Всемилостивый и Благословенный во веки. Аминь.

Молитва духовника перед исповедью

Господи Боже мой! Прости мне и чадам моим духовным вся согрешения вольная и невольная. Сподоби мя свято, в мире душевном, во здравии души и тела совершить предстоящую спасительную исповедь.

Слово разума и рассуждения духовного подаждь ми. Тожде подаждь и чадам моим духовным; дух покаяния сердечного и исповедь совершенну даруй им.

Соблюди нас в истинной вере и благочестии. Взятый душевный мир подаждь нам и вечное спасение. Яко Ты еси наш Просветитель и Спаситель и Тебе славу воссылаем во веки. Аминь.

Молитва человека, ищущего покоя в Боге (духовное завещание старца)

Господи, Боже наш! Прости нам вся прегрешения наша вольная и невольная! Во всем да будет Твоя святая воля над нами, грешными. Нас же сподоби во всем неуклонно, в мире душевном, покоряться всеблагой и премудрой воле Твоей и исполнять ю, и имиже веси судьбами спаси нас, недостойных раб Твоих; тогожде сподоби и присных наших и всех людей Твоих, яко вся ведый, яже ко истинному благу нашему, Всемилостивый и благословенный во веки, аминь.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Документы, связанные с уходом в затвор и пребыванием в затворе старца Алексия

Строителю Смоленской Зосимовой Пустыни Игумену Герману

ВРЕМЕННЫЕ ПРАВИЛА ДЛЯ БЕЗМОЛВНИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ДУХОВНИКА ПУСТЫНИ ИЕРОМОНАХА АЛЕКСИЯ

С вечера 3-го сего февраля до конца Пасхи, в виде опыта, духовнику Пустыни иеромонаху Алексию разрешается проводить безмолвную жизнь, порядок которой определяется так:

1) Первые пять дней каждой седмицы (с понедельника до пятницы включительно) он должен безвыходно находиться в своей келии, исполняя суточное церковное последование и то келейное правило, которое вы ему назначите, как его духовник и настоятель; остальное время он посвящает чтению Слова Божия, а то — отеческих творений и душеспасительных книг, а также и другим занятиям по своему усмотрению.

2) Каждую субботу, по совершении им в келии утреннего богослужения и правила ко святому причащению, иеромонах Алексий должен выходить в храм для выслушивания литургии и причащения; во время этого первого выхода, при переходе его в церковь и в самом храме, никто не должен обращаться к нему за благословением, ни с разговорами до конца литургии; для стояния во время литургии ему должно быть

отведено в алтаре уединенное приличествующее место, а причащаться Св. Таин он должен на престоле в фелони, епитрахили и поручах.

3) После литургии, или по отдыхе (часов с 2-х или 3-х) иеромонах Алексий посвящает время на прием в храме некоторых из братий Пустыни, только для исповеди, и мирян, как для исповеди, так и на совет; таковое свое послушание он продолжает во время вечерни и всенощного бдения, в самый же воскресный день исповедь и советы начинаются с 5 часов утра до начала литургии, после же литургии продолжаются по-субботнему до конца вечернего богослужения.

4) Духовная деятельность о. Алексия "по старчеству" по отношению к братии Пустыни совершенно прекращается; лица, пользовавшиеся этим руководством, должны обращаться к другим братиям обители, способным принимать откровение помыслов; для совершения же таинства исповеди, для большинства младшей братии, назначаются иеромонахи Пустыни Дионисий и Корнилий.

5) В дни своего выхода иеромонах Алексий должен быть свободен от клиросного послушания, законоучительства и всякого иного рода дел, не предусмотренных этими правилами.

6) В Благовещение выход должен быть накануне к часам, а дальнейшее на сей праздник приравнивается к воскресному дню .

7) В воскресные дни и Благовещение иеромонах Алексий может по вашему назначению говорить или читать народу поучение во время причастного стиха.

8) Участвовать в соборном священнослужении он должен только в первый день Св. Пасхи, затем два следующие дня выполнять так, как указано на воскресные дни.

9) Трапезу иеромонах Алексий должен посещать только три первые дня Пасхи, во все прочие

дни келейник должен приносить ему в келию пищу из того, что приготовляется для братии.

10) Чай благословляется пить до и после поста ежедневно, а Великим постом по субботам и воскресным дням, в прочие же дни поста чай заменяется кипяченою водою.

11) Келейником о. Алексия назначается монах Макарий, на него, кроме его служения старцу и фельдшерской должности, не должно возлагать никаких иных послушаний.

12) Письма на имя о. Алексия должны быть ему передаваемы по субботам; желательно, чтобы ответы на них давались лишь о том, что он прекращает всякую переписку; что касается до телеграмм, то они могут быть вскрыты и, судя по содержанию, должны быть переданы или тотчас, или в ближайшую субботу.

13) В келию о. Алексия никто не должен быть допускаем, кроме вас и его келейника; единственное исключение должно быть сделано для его сына с семьею (и то только в дни выхода) и для врача, по надобности.

14) Калитка палисадника близ дома о. Алексия во дни его уединенного пребывания в нем должна быть заперта.

15) Вам, с целью руководства, вменяется в обязанность посещать о. Алексия ежедневно и по временам, что найдете нужным — сообщать мне.

16) В случае каких недоумений вы должны обращаться ко мне для получения тех или других решений.

Наместник Лавры архимандрит Товий

ДОПОЛНЕНИЕ

Все изложенное в вышеназванных правилах утверждается на будущее время.

Кроме того добавляется:

а) что в случае желания посетителей обители передать о. Алексию какое-нибудь вещественное приношение, то таковое должно быть ему передано келейником в день его выхода; затем, что из присланного старец не найдет для себя нужным, то он возвращает вам, о. игумен, а вы распределяете присланное между нуждающимися.

б) От приема денег, хотя бы на нужды обители, о. Алексий должен быть свободен, если же деньги будут им найдены в вещах или письмах, то такие пожертвования он передает через келейника казначею обители (или его помощнику) вместе с указанием, какому лицу должна быть выдана на них квитанция.

в) Ягоды и фрукты разрешается вкушать как в сыром, так и в вареном виде, а сахар может быть заменен медом. Вообще, при употреблении пищи полагается следовать примеру преподобного Иоанна Лествичника, вкушавшего, как известно, все, дабы избежать тем повода к превозношению.

г) В праздники двунадесятые и в праздник обители (28 июля), когда они придутся во вторник, среду и четверг, выходить накануне к малому повечерию (в 3 1/2 часа дня); самые дни праздников (с понедельника по четверг) проводятся по-воскресному; если праздник приходится в субботу, то накануне выхода не бывает, а в самый день выход бывает обычный — к причащению, и, наконец, если праздник придется в пятницу, то выход накануне бывает в 3 1/2 часа дня, а на следующий день, по окончании литургии, иеромонах Алексий

удаляется к себе и более не выходит, готовясь к субботнему причащению.

21 июля 1908 года.

Утверждается.

Наместник архимандрит Товий.

1909-го года, ноября 29-го дня, находясь в Зосимовой Пустыни для служения, мы с настоятелем оной Пустыни игуменом Германом и старцем иеромонахом Алексием рассуждали о том, что старцу Алексию недостаточно двух дней в неделю выхода из своего безмолвия для принятия братии и мирян на исповедь и духовную беседу. А посему постановили: выходить ему дозволяется в пятницу к началу литургии и тут же причащаться Святых Таин. По литургии же он может посвящать на исповедь и беседу с мирянами только один час и только в такие дни, в которые литургия кончается не позднее 11-ти часов. Затем идти ему в келию для отдыха. С двух же часов дня он должен принимать у себя в келии исключительно только одних братий своего монастыря, принятых им от мантии и других, которые пожелают исповедаться или быть на откровении помыслов.

В субботу же он выходит в ранние часы утра, судя по потребе и по количеству богомольцев, причем он принимает преимущественно одних мирян в оба дня — в субботу и воскресение, не стесняя временем церковного богослужения.

Такое изменение вышеизложенных правил утверждаю к исполнению.

Свято-Троицкия Сергиевы Лавры наместник
архимандрит Товий.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ACHEVÉ D'IMPRIMER
LE 24 FÉVRIER 1989
PAR L'IMPRIMERIE
DE LA MANUTENTION
A MAYENNE
N° 58-89

ISBN 2-85065-153-2